

CRIME & PRIVATE

анна

Данилова

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ КОППЕРФИЛЬДА

Она никогда ничего не забывает и наносит
удар прямо в сердце...

Crime & private

Анна Данилова

Тайная любовь Копперфильда

«Автор»

2013

Данилова А.

Тайная любовь Копперфильда / А. Данилова — «Автор»,
2013 — (Crime & private)

Молодой бизнесмен Денис на отдыхе в Ницце встречается необыкновенную красавицу, ее лицо ему смутно знакомо. Кто она? Откуда Денис знает девушку? И почему она буквально преследует его на Лазурном берегу? В Москве странности продолжают. Кто-то устраняет всех, имеющих отношение к событиям в Ницце и к прекрасной незнакомке. Убиты и ее спутник – актер Аркадий, и программист Александр, тоже собиравшийся отдохнуть на французском курорте. Женский след преступления приводит к художнице Надежде, поразительно похожей на даму из Ниццы. Но Денис верит в невиновность Нади и намерен любым способом разобраться в происшедшем – ведь на карту поставлены личные чувства бизнесмена. Может быть, у Надежды есть уникальный двойник или сестра-близнец, которая как раз и является безжалостным убийцей?

© Данилова А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	6
2	13
3	14
4	19
5	24
6	30
7	36
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Данилова

Тайная любовь Копперфильда

«Crime & private» – это не только классически изящный криминальный роман, но и вечный поединок страсти и рассудка, реальности и мечты, импульсивных эмоций и голого расчета. Судьбы героев вершит мастер психологического детектива Анна Данилова!

1

Он проснулся и, не открывая глаз, с чувством необъяснимой радости понял, что все еще находится в этой спальне, в этом гостиничном номере, который будет принадлежать ему еще неделю. И что весь его день будет расписан по секундам счастья и свободы, что набережная Ниццы улыбнется ему и засияет сначала нежным утренним солнцем, затем будут переливаться спокойные полуденные морские волны, призывая подремать в удобном шезлонге в окружении таких же, как и он, счастливых людей. А к вечеру электрический свет засверкает оранжевыми бликами на столиках многочисленных ресторанов и кафе, и ему, Денису, не придется, как это было в душной и напряженной Москве, срочно кому-то звонить, о чем-то договариваться, нервничать, переживать, писать, считать – словом, жить той жизнью, от которой он каждый год вот так же сбегал сюда, в этот благословенный и такой спокойный город, который, как ему казалось, всегда радовался его приезду и каждый раз, как ему опять-таки казалось, готовил ему неожиданные сюрпризы.

Вот и на этот раз он подарил ему встречу со старой знакомой. Вернее, это знакомство было старым, многолетним, а сама женщина была молода, ослепительно красива и интересна ему безумно. И что приводило его в восторг, она никак не ассоциировалась у него с деловой частью его жизни, напротив, одним своим присутствием вызвала приятные воспоминания, связанные с удачным и почти волшебным побегом из настоящего ада. Юлия Земцова с ее мужем Евгением Крымовым помогли ему разыскать человека, который целых три года обволакивал его и угрожал убить.

После того как он, этот человек, настоящий фантом в облики его родного брата, которому он бесконечно доверял, был ранен при задержании, а впоследствии скончался от заражения крови в тюремной больнице, черно-белая, наполненная страхами и недоверием жизнь его приобрела живые краски. И как-то все само собой наладилось.

Чувство благодарности к этой паре захлестывало его, он чуть было не подарил Юле весь свой бизнес, настолько ощущал себя спасенным, заново родившимся. Юля ему тогда сказала, что у нее есть деньги и что ему не стоит терять голову от радости. Однако круглую сумму, которую он сам для себя обозначил и счел справедливой, он перевел на ее счет, о чем никогда впоследствии не пожалел.

Земцова, в прошлом адвокат и частный детектив, уже давно отошла от дел, но время от времени знавшие ее люди все равно находили ее и поручали вести свои дела. Для этой цели было создано бюро и подобран небольшой, но весьма профессиональный и толковый коллектив, часто работавший параллельно с прокуратурой или милицией.

Клиентами Земцовой или Крымова были, как правило, люди, попавшие в трудное положение и уже не надеявшиеся на помощь правоохранительных органов. Они выходили на Земцову через многочисленных знакомых или посредников, разыскивали ее, где бы она ни находилась – во Франции ли, где она уже несколько лет жила с семьей, или в Москве, куда она приезжала довольно часто навестить близких родственников и друзей.

Сейчас она, к великой радости Дениса, отдыхала в Ницце, причем жила в той же гостинице, что и он, в «Негреско»! Когда он увидел ее вчера за соседним столиком, он не поверил своим глазам! Вот уж кого он действительно всегда хотел видеть и от кого заряжался позитивной энергией! И даже не ее харизматичный муж, который, по сути, и научил ее всем тонкостям расследования, а именно она, нежная, задумчивая, полная тайн, представляла собой интерес. По мнению Дениса, лишь совсем небольшой процент женщин, из всех тех, с кем ему приходилось сталкиваться в жизни, были умны и наделены определенными талантами. В большинстве же своем ничем, помимо внешней красоты и умения подать себя, его знакомые женщины не обладали, то же самое можно было сказать и про теперешнюю девушку, Ларису Вдовину, без

его ведома рискнувшую приписать себе статус его невесты. Знакомая его приятеля, с которой они познакомились на одной из вечеринок, устроенной приятелем на его подмосковной даче, оказалась ярче и смазливее всех остальных присутствующих на празднике девушек, не более. Было много шампанского, многозначительные взгляды с ее стороны и его желание провести выходные с женщиной – вот и все, что поспособствовало тому, что Лариса возомнила себя его любимой девушкой. А он особо и не сопротивлялся. К тому же Лариса довольно часто ездила по делам своего отца в Лондон, где одновременно с этим совершенствовала свой английский. Другое дело, зачем ей это было надо? Чтобы доказать себе и всем окружающим, что она этот язык знает? Или для общего развития? А может, для того, чтобы впоследствии более активно работать с отцом в его бизнесе? Дениса это вообще мало интересовало. Его очень устраивал тот факт, что Ларисе из его свободного времени было отведено всего лишь процентов двадцать, не более, и что он, считаясь в своем кругу мужчиной несвободным, на самом деле мог распоряжаться собой в отсутствие «невесты» как хотел.

Ларису Денис не любил, да и не знал, что это такое. Нечто похожее на это безумное чувство, как ему казалось, он испытывал однажды, когда ему исполнилось шестнадцать лет и он страстно возжелал одну официантку из деревенского бара в Косино, куда родители отправили его к тетке «порыбачить и попить козьего молока». Поначалу, увидев ее, блондинку с отрешенным взглядом, разносящую тяжелые подносы с выпивкой, он решил, что она никогда не обратит на него, молокососа, внимания. Высокая, с тонкой талией и широкими бедрами, дрожащей, как желе, белой грудью, которую лишь прикрывали открытые блузки, она притягивала к себе взгляды настоящих, взрослых мужиков. Однако уже через пару дней, когда он заглянул в бар в полдень и оказалось, что он единственный посетитель, Ирина, так звали официантку, сама подошла к нему, облокотилась локтями на стол, чуть ли не закрыв ему своей пышной грудью лицо, и сказала, что в четыре часа ее подменит сестра и что она будет ждать его в условном месте, на Белом озере, за большими ивами... Так его любопытство уступило место подростковой горячей страсти, от которой он похудел, осунулся, его постоянно трясло, лихорадило, не говоря уже о других невероятно сильных ощущениях и желаниях, от которых он просто горел и терял силы... Но лето прошло, он вернулся в Москву, и сколько бы он ни писал Ирине писем, ответа так и не дождался. А потом, на следующий год, он узнал от тетки, которая была в курсе его романа и очень переживала за племянника, что Ирина благополучно вышла замуж за какого-то водителя Юрку и они оба переехали в Москву, а где живут точно и чем занимаются, никто не знает.

* * *

Денис долго еще лежал в постели, потягиваясь чуть ли не до хруста в суставах, несколько раз пытался заснуть, но, вероятно, он уже выспался, и ему не оставалось ничего другого, как получить новые порции утреннего счастья – душ, принесенный в номер опрятной горничной континентальный завтрак (круассаны, багеты, джем, масло, сыр, апельсиновый сок, кофе, йогурт, хлопья), утренняя сигарета и снова визит горничной, только теперь с выглаженными белыми брюками и голубой рубашкой.

Очаровательная улыбка девушки – ею хочется воспользоваться и завалить... мысленно, смеющуюся, румяную, в постель, предварительно сорвав белый передник. Ее задумчивый взгляд, который спрашивает, а что будет, если они поменяются местами и это он, Денис, миллионер, будет наливать ей кофе, спрашивая, сколько кусков сахара положить в чашку, или менять полотенца в ванной комнате... А может, уставшая прислуживать, она мечтает выйти замуж за богатого мужчину и бросить наконец эту тяжелую работу, где ей приходится улыбаться посетителям гостиницы даже тогда, когда у нее болит живот и ей больше всего хочется просто полежать под теплым пледом с книжкой в руках и тихонько покусulить...

* * *

Главное Денисово личное достижение – это, конечно, отключенный московский телефон, связывающий его остальные одиннадцать с половиной месяцев с работой и сопровождающим ее кругом знакомых и коллег. Для самых близких людей – родителей, Ларисы и друзей – существует еще один телефон, номер которого хранится от других в секрете. Да и близкие люди предупреждены, что звонить ему в Ниццу можно только в самом крайнем случае. Вот только вчера в этот «близкий» круг он с удовольствием добавил французский номер Земцовой, вернее, они обменялись номерами, и теперь почему-то он ждал ее звонка, хотя вчера после совместного обеда они ни о чем не договаривались, ни об экскурсиях, ни о прогулках, вообще ни о чем... Просто поцеловались, обнялись, как близкие и родные люди, надеющиеся на скорую встречу, и все. Но он был почему-то уверен, что и сегодня встретит ее на террасе гостиничного ресторана за тем же, возможно, столиком, за чашкой кофе. И морской ветер будет трепать ее длинные светлые волосы, а за почти прозрачными от прямых солнечных лучей стеклами темных очков будут щуриться ее глаза с длинными ресницами («Представляешь, Денис, такие неудобные очки... Ресницы будто царапают стекло...»).

Понятное дело, что он даже и мечтать не мог о романе с Земцовой. И не потому, что Крымов разорвет его на части, когда узнает об этом. Дело в самой Юле, в ее чувствах к этому странному человеку, о котором ходят самые противоречивые слухи. Некоторые говорят, что Крымов обыкновенный бандит или проходимец, умеющий делать деньги из воздуха. Другие считают, что он работает в разведке (вот только какой именно страны, неизвестно)... Словом, версий о его профессиональной занятости и, главное, источниках его доходов было множество, но главное заключалось в том, что никто точно не знал о нем ничего. Разве что его жена, Юлия, которая преданно хранила все тайны своего мужа.

* * *

...Докурив сигарету, Денис вышел из номера, спустился на террасу, но Земцову он не увидел. Пожалуй, впервые за последние пять лет, что он приезжал сюда отдохнуть ото всех, желая одного – не встретить в Ницце ни одного знакомого лица! – он по-настоящему огорчился, поняв, что потерял Юлю из виду. Фантастическая женщина! И сразу же, представив себе ее, сидящую за столиком, вдруг принял решение расстаться с Ларисой. И это решение было таким приятным, легким, словно он освободился внутренне сразу от всех обязательств, с ней связанных! Ницца – город покоя и радости, принятия правильных решений, место, где бы он хотел жить и растить своих детей...

В сущности, его мечта была вполне осуществима. Он был богат, успешен, другое дело, что его бизнес плотно связан с Москвой и той группой преданных ему людей, которых он не мог вот так просто бросить, развалив начатое им и успешно продолженное ими дело. Делом была мощная строительная компания, отлично зарекомендовавшая себя на строительном рынке Москвы, и передавать этот бизнес кому бы то ни было или тем более продавать не имело никакого смысла. Оставалось одно – подготовить себе замену на тот случай, если он все-таки когда-нибудь женится и поселит свою семью в Ницце, где будет проводить (он все это уже просчитывал, и не раз) примерно пять-шесть месяцев в году в общей сложности. Безусловно, ему придется купить еще один самолет...

И вдруг он увидел ее! Юлия стояла в нескольких шагах от него, на ступенях ресторанный террасы их отеля, возле клумбы с розами и смотрела куда-то вдаль, приложив руку козырьком ко лбу. Всмотривалась в сверкающую поверхность морской глади, щурилась на солнце и чему-то улыбалась. Возможно, она провела прекрасное утро со своим мужем или, наоборот, ожидала

его возвращения из дальних стран. Или поговорила по телефону с маленькой дочкой. Или ей просто было хорошо жить на этом свете, и не надо было думать, кого любить, с кем быть, за кого выходить замуж и от кого иметь детей. Ее жизнь была, слава богу, устроена, и Денис, закованный в рамки приличий, даже мысленно никогда не пытался представить ее в своей постели...

Широкие белые брюки, плетеные светлые сандалии, тонкая белая рубашка мужского кроя, розовые коралловые бусы обвивают тонкую шею, такие же кораллы украшают ее уши и обнимают запястье. Волосы, поднятые наверх и сколотые невидимым зажимом, разметались от ветра.

Он стремительно подошел к ней, словно желая проверить, действительно ли это она, или воображение сыграло с ним злую шутку. Сколько раз с ним бывало такое, когда он хотел увидеть кого-то, то, всматриваясь в совершенно другого человека, неожиданно для себя находил знакомые черты...

– Юля!

Она повернулась, они встретились взглядами, она улыбнулась.

– Денис! Привет!

– Доброе утро. А я уж думал, что потерял тебя...

– Так мы же обменялись телефонами.

– Все равно. Хотел увидеть тебя здесь, без всяких звонков... Подумал, что это просто удивительно, что ты тут. Нет, я не в том смысле, что тебя не должно здесь быть, просто это я бываю тут лишь один раз в году, когда хочу спрятаться ото всех...

– Да, я это уже поняла, ты же мне рассказывал вчера, – улыбнулась она. – Ну что, пойдём?

– Куда? – Он обрадовался как мальчишка, который вдруг понял, что ему предлагают сходить в зоопарк.

– Эх ты, Денис! Вот не умеете вы, мужчины, отдыхать. Ничего не знаете, не понимаете, кроме выпивки. Мы пойдём есть цветочное мороженое! Ты вот какое больше любишь: розовое, жасминовое или фиалковое?

И она, схватив его за руку, потащила куда-то за собой вдоль набережной. Она легко прыгала по ступенькам, рассказывая о том, какие сочетания шариков мороженого бывают в том чудесном месте, куда она его ведет. А он, ведомый, был счастлив каким-то особым, чистым счастьем от сознания того, что находится в обществе женщины, которой, по сути, ничего-то от него не нужно, кроме него самого! Что ее не интересуют его деньги, что она не мечтает выйти за него замуж, что ей просто приятно находиться рядом с ним, и все! Такая чистая прекрасная дружба между мужчиной и женщиной! Это значит, что у него есть шанс найти другую такую же, неиспорченную, порядочную. Жаль, что пока что ему попадались совсем иные...

* * *

Через несколько минут они уже сидели за столиком в летнем кафе и выбирали себе цветочное мороженое.

– Денис, ты чего такой напряженный?

– Разве?

– Ну да! Рассеянный, о чем-то думаешь. И вообще, ты почему один? Без девушки?

– Она в Лондоне. Помогает отцу. Хочет стать бизнес-леди. Нет, я понимаю, конечно, что...

И тут он увидел еще одно знакомое лицо. Девушка с мужчиной вошли следом в кафе и сели за соседний столик.

– Денис, ау! – Юля потрепала его по руке. – Ты увидел знакомых?

Он показал одним взглядом на парочку, внимательно изучавшую меню, и пожал плечами.

– Его-то я точно не знаю, а вот девушка кажется мне знакомой. Вот только не пойму, из какого она ящика.

– В смысле?

– У меня голова, как я себе сам представляю, состоит из маленьких таких выдвижных ящичков...

– Деревянных? – засмеялась Земцова и тут же, обратившись на французском к подошедшей официантке, девушке в темно-зеленом длинном фартучке с вышитыми на нем цветами, быстро сделала заказ. – Я сама придумала тебе сочетание шариков... Извини, и что же дальше? Итак, твоя голова или, точнее, память состоит из маленьких ящичков...

– Ну да! Понимаешь, это такой порядок...

– Да понимаю!

– Так вот. Я не знаю, из какого ящика памяти это лицо, – наконец объяснил Денис вполне серьезно. – Вроде бы я не видел ее на работе, близко с ней не был знаком, понимаешь, но в то же самое время это лицо вызывает определенные ассоциации. Знаешь, я вообще люблю вспоминать, где и когда я видел какого-либо человека.

– Так куда ты поместил эту бедную девушку? Хочешь кофе?

– Да, я очень хочу кофе.

Официантке, которая принесла на подносе две вазочки с разноцветными шариками мороженого, Юля заказала кофе.

– Она ассоциируется у меня почему-то с музеем, запахом скипидара, вошеного паркета, золоченых рам, рисунками Леонардо да Винчи. Вот.

– Замечательная ассоциация. Тогда она, может, художница? И ты видел ее где-нибудь на улице, когда она рисовала чей-то портрет?

– Не знаю, пока что вспомнить не могу.

Денис съел один розовый шарик.

– Это роза на самом деле! Такой необычный вкус... Словно мороженое полили духами...

– Денис! Какие еще духи! Попробуй фиалковое... Ты что, полагаешь, что это мороженое только и ценно тем, что его поливают эссенцией? Нет, это прекрасное мороженое... Хотя не хочешь – не ешь, это дело вкуса.

Денис продолжал время от времени посматривать на девушку за соседним столиком. Джинсы, майка, на загорелых руках массивные золотые браслеты – один простой, широкий и явно тяжелый, ценный именно своим весом, а второй – в виде тигра с разноцветными вкраплениями рубинов, изумрудов, сапфиров и, скорее всего, брильянтов, а в ушах маленькие брильянтовые сережки, которые сверкают на солнце. Молоденькая, избалованная, вероятно, любовница этого зрелого, с красным лицом и прыщавым носом крепыша в клетчатой безвкусной рубашке и белых джинсах. Пытаясь уловить смысл произнесенных Юлей слов, он никак не мог понять, на каком языке говорит девушка, обращаясь к своему спутнику. Пока не догадался, что это испанский.

Память быстро воспроизвела залитую электрическим светом тесную комнату и маленький букетик ландышей в стеклянной банке. Второй эпизод. В банке щи, внутри маленький кипятильник, на столе крошки хлеба; женский смех.

– На каком языке они разговаривают? – спросил он на всякий случай у Юли.

– На испанском, – тихо ответила она ему. – Уверена. Но только они, кажется, поссорились. Видишь, она шипит на него... Вероятно, он был с ней груб или отказался купить ей очередные Жерар Перего...

– Что-что? – не понял Денис.

– Часики такие, видишь, у нее на руке? Рядом с браслетом. Очень дорогие часы, я тебе скажу... Девушка все свое состояние носит на себе. С одной стороны, демонстрирует, насколько у нее крутой бойфренд, а стало быть, и она не такая уж и простая, раз может себе

все это позволить, с другой – просто-напросто подстраховывает себя на тот случай, если этот господин в клетчатой рубашке вдруг захочет ее бросить. С такими часиками и брильянтами она не пропадет...

– Да скорее она его бросит, – фыркнул Денис, вдруг ловя себя на том, что они с Юлей самым наипошлейшим образом обсуждают совершенно посторонних людей. – Он же форменный урод, смотри, весь в прыщах...

И они, забыв о приличиях, расхохотались.

* * *

– Какие у тебя планы? – понимая, что поступает не совсем прилично, поскольку прогуливается с замужней женщиной, спросил Денис. – Крымов твой где?

– Думаю, что он где-то здесь, поблизости, вот спиной чувствую его присутствие, – серьезным тоном ответила она, – возможно, сидит где-нибудь с биноклем и следит за нами...

И снова они расхохотались.

– Да нет у меня никаких планов. Отдыхаю я.

Они двинулись вдоль набережной, любуясь открывшимся видом: пальмы, нарядно одетые люди, прогуливающиеся вдоль берега, открытые террасы кафе и ресторанов, маленькие магазинчики.

– Неделю тому назад приехала сюда. Женьке помогала в кое-каком деле, надо было одного типа прижать... Знаешь, некоторые люди думают, что если у них есть деньги, то им все позволено... Этот мерзавец, которого мы долго не могли вычислить, изнасиловал и чуть не убил жену одного нашего знакомого, очень хорошего человека. Мы не были подругами, просто я ее хорошо знала, она мне очень нравилась, понимаешь? Представляешь, они часто встречались, этот изверг был вхож в их дом, знал, что для того человека самым ценным в жизни является его жена, и чтобы сделать ему побольнее, очень хитрым образом привез эту женщину к себе на дачу и держал там почти неделю... Унижал, издевался... Крымов после того, как все было кончено, отдал этого гада на растерзание мужу... А что, правильно, я думаю, сделал. Другое дело, что теперь оба – и муж, и жена – почти инвалиды. Крымов нашел им хорошую клинику в Монтре, это в Швейцарии, где они оба и лечатся... Пока что без особого результата. Такая была пара... Не представляю, выкарабкаются они или нет.

– А что этот... преступник? Что с ним стало?

– Его больше нет, – спокойно ответила Земцова, устремив взгляд в пространство, явно вспоминая подробности этого тяжелого дела.

– Послушай, я думал, что Крымов избавил тебя от участия в подобных делах.

– Он здесь ни при чем, да и вообще, Денис, я всегда сама принимаю решения, чем мне заниматься или не заниматься. В этом же случае я просто не могла оставаться в стороне, хотя и понимала, что дело очень опасное... Ладно, проехали. Просто я желала тебе сказать, что я так устала, хочется поскорее отойти от всего этого кошмара...

Она вздохнула.

– Вот и все мои планы!

Тогда Денис, немного успокоенный тем, что Крымова здесь поблизости все-таки нет, расслабился. Краснея от собственной смелости, он произнес:

Не кудахчет петух,
на луну больше волки не воют.
Все залито водой.
Не осталось живого нигде.
И один лишь кораблик —

ковчег седовласого Ноя,
как кленовый листок
по теченью скользит по воде...

Юля просияла, догадываясь, куда он клонит.

Только нет ей конца.
И ковчег, будто в море скорлупка.
Ветер солью пропах,
он разносит зверей голоса.
В небо выпустил Ной
снова в поисках суши...

– ... голубку! – засмеялась Земцова.

...И вослед ей глядит,
прикрывая от солнца глаза.

– Ты приглашаешь меня в музей Марка Шагала! Денис, ты – замечательный! Да-да, конечно, я уже была там и видела его работу «Ной выпускает голубку из ковчега»... Но с удовольствием побываю там еще раз!

2

– Ты проходи, его нет дома... Я звонила ему на мобильный, он не отвечает. Значит, мой братец все-таки улетел в Ниццу...

Катя Сырова, двадцати двух лет, маленькая круглая шатенка в цветастом сарафане, включив свет в передней, пропустила вперед себя своего парня, Анатолия, в квартиру брата и заперла за собой дверь.

– Ну, вот мы и дома... – она сбросила с себя тесные, на зеркальных каблучках туфли. – Уфф... Ноги – гудят! Знаешь, Толик, хоть это и не моя квартира, все равно здесь я чувствую себя куда спокойнее, чем с предками, как ты понимаешь.

– А его точно нет дома?

Анатолий, худой высокий блондин во всем белом, переступая с ноги на ногу, нервно осматривал тесную прихожую.

– Говоришь, что мобильный его не отвечает. Ну и что? Он мог бы подключиться к роумингу... Это не показатель... Ты бы позвала его, а, Катя? А вдруг он дома?

– Ну, хорошо... – Она миролюбиво улыбнулась, показывая миленькие ямочки на румяных щеках. – Са-а-аша!

Потом, вдохнув побольше воздуха, снова позвала брата:

– Са-а-а-ша-а! Ау! Ты дома? Ну вот, – обращаясь к Анатолию, – говорю же – его нет. Мой братец домосед, большую часть времени проводит за компьютером. Но уж если его нет дома, значит, его нет и в Москве, я-то знаю... Ну, пошли...

Она схватила его за руку и потянула за собой, как теленка. Анатолий прижал девушку к стене и принялся целовать.

Час тому назад они еще зажигали в клубе, двигаясь в такт оглушительной музыке и заливая жажду ледяными коктейлями, и вот теперь, языками, пропитанными запахами виски с колой и лесным ароматом Jack Daniels, пытались усилить удовольствие, проникая в рот друг друга. Понятное дело, что, если бы не алкоголь и желание близости, Катя не посмела бы заявиться вот так в дом своего брата, не будучи уверенной в том, что его действительно нет в городе.

Она оторвалась от парня и с радостным воплем непонятного счастья бросилась осматривать квартиру – единственная комната, кухня, ванная комната...

– Все – мы одни, это точно!!! Давай раздевайся и бегом в ванную! Господи, когда же у меня будет своя квартира?!

Анатолий, наконец успокоившийся, что брата девушки нет, принялся расстегивать пуговицы белой шелковой рубашки...

3

Вечером, утомленные музеями и прогулкой по городу, Денис с Юлей заглянули поужинать в небольшой домашний ресторан, где сама хозяйка, приветливая женщина со смуглой кожей и красиво уложенными седыми волосами, поставила перед ними корзинку со свежим хлебом и плоски с оливковым маслом.

– Ты ешь, ешь, это не простое оливковое масло, – улыбалась какой-то счастливой улыбкой Земцова, отламывая ломтик хлеба и макая в масло. – Это масло выжато на старинном прессе... Словом, ручная работа, понимаешь? Это тебе не промышленный отжим... И масло смотри какого прекрасного цвета...

Юля сидела спиной к двери, ресторан был небольшой, и каждый посетитель просматривался отлично. Вошедшая парочка заставила Дениса вздрогнуть. Дежавю? Или это действительно те испанцы, наслаждавшиеся за соседним столиком цветочным мороженым?

– Ты чего так напрягся? – Юля даже взяла его за руку, чтобы привести в чувство. – Денис, ау!

Он взглядом показал на вошедших. Юля быстро оглянулась, увидела увешанную золотом девушку в компании прыщавого мужчины и закрыла на мгновение глаза, показывая, что она все поняла.

– Что ж, – тихо произнесла она, продолжая с аппетитом уплетать хлеб с маслом. Губы ее заблестели, Денис поймал себя на том, что ему хочется ее поцеловать. – Ты прав, что-то здесь не то... Больше того, я не хотела тебя просто расстраивать, знаю, насколько ты впечатлителен, но эта парочка была и в музее Шагала... Вернее, они стояли в стороне, когда мы уже выходили оттуда. В самом музее их не было.

– Юля, они следят за мной.

– Денис, а может, за мной? – Она улыбнулась. – Согласись, что в твоей жизни как будто бы все наладилось, не так ли?

– Да, это так. Но эта парочка... Вернее, эта девушка. Откуда-то я ее знаю.

– Может, она какая-нибудь молодая актриса из сериалов, примелькавшееся лицо... Знаешь, такое бывает. Тебе кажется, что ты знаешь эту девушку всю жизнь, а на самом деле ты просто-напросто видишь ее каждый день на экране, и не потому, что внимательно смотришь сериал, нет, просто тебе этот фильм служит фоном... Во всяком случае, со мной такое иногда случается.

– Я мало бываю дома, а когда бываю, то смотрю либо любимые фильмы, которых у меня целая коллекция, либо сразу включаю спортивный канал... Я не помню, чтобы на экране мелькало это лицо... Это что-то другое...

– Вспоминай. У меня, в отличие от тебя, память хорошая, не жалеюсь, но даже я не могу с полной уверенностью утверждать, что я эту девушку прежде не видала. Красивая, стройная и несчастная, ты не находишь? Она и сейчас сидит насупившись...

– Да, это так.

– Твои ассоциации, может, еще что-нибудь вспомнил?

– Мне почему-то хочется дать ей денег...

Юля расхохоталась.

* * *

К их столику подошла официантка с подносом и поставила на стол две большие тарелки с тушеным кроликом.

– Это – фантастика... – Юлия потеряла ладошки. Она была такой милой, что Денис снова испытал желание поцеловать ее. Однако, бросив быстрый взгляд на соседний столик, на сидящую за спиной Юли девушку-испанку, понял, что в постель бы он затащил все же не правильную и чистенькую Юлю Земцову, за которую Крымов ему легко бы оторвал голову, а именно эту девушку, нервную, худую, с копной спутанных каштановых волос, волос, которые, как ему уже начало казаться, он знал на ощупь. Знал их запах и шелковистость. Он играл ими когда-то давно... И эти удлинённые глаза цвета маслин с тяжелыми веками он тоже знал, он вглядывался в нее и понимал, что, быть может, любит эту девушку... Или любил. Возможно, она была той самой девушкой-испанкой, с которой он провел ночь однажды на Ибице. Лет пять тому назад он был там с другом, каждый день менял девушек, развлекался как хотел. Сейчас ему казалось, что тогда он был молодым по сравнению с тем, каким стал сейчас – предпочитающим одиночество, ценящим покой и комфорт. Как же звали ту испанку? Габриэль, Габи, кажется... Да, точно, они познакомились в Кафе-Дель-Мар... И у нее были вот такие же удлинённые зеленые глаза, цвета ивовой листвы... Они танцевали и хохотали под музыку Gui Borrato..

Он представил себе, как окликает ее по имени. Если это она, то невольно обернется, они встретятся глазами, и он на плохом английском скажет ей (да, они объяснялись на плохом английском – и он, и она, покатываясь со смеху), чтобы она бросила этого своего прыщавого, который портит ей настроение, и пересела за их столик. Юле он объяснит, что встретил свою старую знакомую...

– Денис, – тихо позвала его Юлия. – Ты чего не ешь? Ну, прямо задумался. Хочешь, я сама познакомлюсь с этой девушкой и выясню, кто она и почему нас преследует. А вдруг это какая-нибудь подружка моего мужа, сгорающая от любопытства увидеть меня? Или наоборот – сыщик, которого Крымов нанял, чтобы следить за мной?

– Да брось... Ты и сама знаешь, что ты здесь ни при чем. Но я эту девушку знаю, это точно. Вот только бы вспомнить откуда...

– Быть может, когда-то давным-давно, – Земцова, расправляясь со своей порцией кролика, подмигнула ему, – ты был в Испании и у тебя завязался дивный курортный роман с какой-нибудь испаночкой, а, Денис?

– Да, на Ибице, – с готовностью выпалил он. – И она действительно похожа на ту девушку, ее звали Габриэль, Габи...

И тут с ним произошло то, чего он и сам от себя не ожидал. Он встал, промокнул губы салфеткой, резко повернулся и подошел к соседнему столику. Не обращая внимания на спутника «Габи», он спросил ее на английском:

– Вас зовут Габриэль? Ведь так?

Девушка, от неожиданности выронив вилку, пожала плечами и уставилась с немым вопросом на своего спутника. Тот, вытаращив глаза, тоже пожал плечами и произнес фразу на испанском.

– Вот черт, ну где-то же я вас уже видел... – пробормотал Денис, после чего раскланялся, как дешевый актер, и вернулся на свое место.

Юлия тихо похихатывала над его непосредственностью. Или глупостью?

– Ну, что, – тихо спросила она, – тебе удалось ее хорошенько рассмотреть? Ты узнал ее?

– Мне надо подумать... – вздохнул он.

– Что ж, я полагаю, тебе будет теперь чем заняться, пока не вернешься домой. Я-то завтра, наверное, отправлюсь в Италию... Мне Женя звонил, сказал, что прилетит за мной самолет. Если хочешь – с нами... Уверена, он будет очень рад повидаться с тобой.

Денис вдруг понял, что не готов к тому, что ему придется столь быстро расстаться с Юлей. Они так славно провели этот день, так хорошо прогулялись, посмеялись, просто душу отвели. Завтра ему уже будет некому говорить «Доброе утро», некого будет сопровождать в музей, не с кем будет так вкусно обедать и ужинать.

– Кролик вкусный, – сказал он, уткнувшись в тарелку. – Очень. Но ты зря улетаешь... Нет, конечно, я понимаю, у тебя семья и все такое...

– Говорю же – полетели со мной! Крымов сказал, что его пригласил на свою виллу один его друг, какой-то коллекционер. Женька-то будет работать, а я так, рядом...

– Нет-нет, это невозможно. Спасибо за приглашение...

Произнеся последние слова, Денис вдруг поймал себя на том, что откуда-то знает – они скоро снова встретятся. Вот было у него какое-то внутреннее чувство, что они расстанутся ненадолго. Но сказать об этом вслух не решился – мало ли что подумает о нем Юля, что может предположить. Нет, пусть все остается так, как есть.

– Знаешь, а ты умеешь находить в этой жизни удовольствия... Откуда-то знаешь этот симпатичный ресторан... В жизни бы не подумал, что можно так вкусно поужинать теплым хлебом с маслом...

Они поболтали еще о чем-то приятном, нейтральном, и все это время Денис неотрывно смотрел на сидящую в двух шагах от него девушку. Габи – не Габи?

Проводив Юлю до самой двери ее номера, он, по-родственному поцеловав ее два раза в щеки, попрощался с ней, вернулся в холл, расположился под гигантских размеров хрустальной люстрой, растущей из центра высокого стеклянного купола гостиницы, достал из кармана «Русскую газету» и принялся читать, время от времени поглядывая поверх страниц на движение посетителей в холле.

Память вновь и вновь отбрасывала его на Ибицу, в молодую горячую пору, полную плотских удовольствий, сомнительных связей, крепкой, как ром или дорогой виски, мужской дружбы, разнузданного беспричинного веселья в бесконечных барах на побережье, слушания джаза в утренние часы на пустынных пляжах...

Точно была Габриэль. Очень красивая девушка. Фантастическая. Она просто полыхала любовью, горела в его объятиях. А под утро он, проснувшись, понял, что она исчезла. Ушла сама. Вероятно, у них, у молодых испанок, так принято. Провести ночь с кем вздумается и уйти. Возможно, останься она в его постели до утра и проводи с ним хотя бы сутки, он и забрал бы ее с собой в Москву. Сначала чтобы удивить московских друзей-приятелей, похвастаться такой красавицей, а уж потом, кто знает, может, и женился бы на ней... И дети были бы красивыми, породистыми...

* * *

...Сказать, что он был потрясен, когда увидел стремительно входящую в холл Габи, значит ничего не сказать. Его прошиб пот. И это при том, что огромное пространство вокруг него было прохладным от заботливо (невидимо и неслышно) работающих кондиционеров.

Девушка прошла совсем близко от него, обдав его облаком приятных вечерних духов. На ней было узкое зеленое платье и ярко-оранжевые туфли. Она напоминала опрокинутый экзотический цветок. Когда она почти приблизилась к нему, он едва сдержался, чтобы не схватить ее за руку или за ремень золотой сумочки, нежно позвякивающей тонкими чешуйками. Но решил не повторять своей ошибки, которую совершил в ресторане, пытаясь выяснить, не Габи ли это.

Вот если бы она отдыхала здесь одна, тогда другое дело. Даже если бы оказалось, что это не Габриэль, он все равно нашел бы способ с ней познакомиться и провести время. А так – существовал тот прыщавый тип, который оплачивал ее проживание в этом баснословно дорогом отеле, покупал ей брильянты, золото, машины...

Она мелко и часто простучала каблучками по мраморному полу холла, пересекла его и осторожно присела за расположенный довольно далеко от Дениса столик, расправила складки своего зеленого шуршащего платья на ярко-синем бархате кресла, оглянулась, встретила гла-

зами с Денисом и улыбнулась. Так улыбаются незнакомые девушки, когда хотят привлечь к себе внимание.

И тут он не выдержал. Сорвался со своего места, подошел к ней быстрым шагом и, буквально пожирая ее взглядом, спросил:

– Ты – Габриэль? Габ?

Она захлопала ресницами. Несколько раз коротко улыбнулась, показывая белые зубки (два резца уже успели коснуться розовой помады), произнесла несколько тихих фраз на испанском и закатила глаза, мол, извините, но я вас не понимаю.

Тогда Денис быстро достал из кармана джинсов портмоне, извлек свою визитку, затем так же быстро и ловко вынул из нагрудного кармана рубашки ручку и приписал номер гостиничного телефона, надеясь, что хотя бы это ей объяснять не нужно.

Она смотрела на него взглядом опытной, хитрой и очень осторожной содержанки. Или же ему это только показалось? Кто знает, если бы он встретил ее не в «Негреско», а просто в одиночестве прогуливающейся по набережной Ниццы или сидящей за столиком с чашкой кофе и на ней был бы не вызывающий и даже вульгарный вечерний туалет, а джинсы и майка, разглядел бы он в ней содержанку или же она показалась бы ему небогатой, но любознательной студенткой (или продавщицей из парфюмерного магазина, библиотекарем, официанткой, целый год копившей на эту поездку)?

Вот теперь самое время было уходить.

Извинившись на английском, он развернулся и быстро зашагал прочь, к выходу, зачем-то вышел на улицу и вдруг понял, что уже вечер. Ницца на глазах распускалась, как цветок, расцветивали все вокруг электрическим светом кофейни-террасы, рестораны, витрины магазинов, мягким светом горели уличные фонари. Где-то неподалеку был слышен плеск фонтанов, звучала музыка, вечер наливался розовыми и лиловыми красками, и вдруг в какой-то момент Денис почувствовал себя нестерпимо одиноким, брошенным и никому не нужным. Да, это он сам как бы всех бросил, чтобы скрыться от работы, от суеты, решил обмануть время и заставить его замедлить свой волшебный ход, он даже отстранился от своей невесты, убедил ее в том, что ему просто необходимо побыть одному. И что в итоге? Он в прекрасной Ницце, в красивейшем отеле мира не может насладиться ни покоем, ни оплаченным дорогим комфортом, ни всем тем, что он еще недавно так любил и о чем мечтал в долгие зимние дни, работая допоздна в своем офисе...

Вспомнив про офис, он даже передернулся. Стало как-то нехорошо и вместе с тем тревожно. Подобные чувства испытывает человек, который уже почувствовал неотвратимость чего-то неприятного, нехорошего, но это неприятное еще не вынырнуло из подсознания и теперь лишь бередит, царапает душу, как бы подготавливая к подстерегающему тебя несчастью...

Офис. Красная ковровая дорожка из его кабинета в приемную, где сидит секретарь. Рассыпанные на дорожке большие белые листы. Расплывчатое лицо девушки. Габриэль? Упавший на красную ковровую дорожку рюкзачок с раскрытой, похожей на беззубый рот, полукруглой крышкой, и внутри рюкзачка полупустая банка явно с остатками щей или супа, и маленький, похожий на зародыш, электрический кипятильник. Убогий обед убогого человека. И снова лицо девушки. Габриэль?

Денис тряхнул головой. Все, хватит уже мучить себя и копаться в своей памяти. Когда нужно будет, он вспомнит, где видел эту девушку прежде. Но если это была бы Габриэль и если бы она вспомнила его, то не отказалась бы хотя бы поздороваться. К тому же тот тип, на содержании которого она находится, – премерзкий. Габ, может, и дура, но не до такой степени, чтобы не оценить Дениса. Денис по сравнению с этим угрюмым бандюганом просто красавчик. Он всегда нравился женщинам, они все, без исключения, находили его красивым, элегантным. И ни одна из тех женщин, которых он знал, не выбрала бы этого типа даже при

условии, что он очень богат. Все женщины Дениса обладали хорошим вкусом и не потерпели бы рядом с собой подобное чудовище. Вот поэтому это не Габи, а другая, очень похожая на нее девушка, которая связана с этим типом в клетчатой рубашке только ей известными узами, возможно, даже браком. А если так, тогда становится понятным ее поведение...

Однако, вместо того чтобы вернуться в номер, Денис так же стремительно, как пронесся через огромный круглый холл, вышел на улицу и слился с толпой празднично прогуливающих людей, и понесло его потоком по тесным улочкам, забросило сначала в один бар, затем другой... В каком-то симпатичном ресторане, стены которого были задрапированы бордовым бархатом, а диванчики украшала покрытая позолотой деревянная резьба, он познакомился с милой девушкой с пухлыми губами, как у Скарлетт Йоханссон, которую угостил печенной на углях форелью, яблочным тартотом, а потом потихоньку улизнул от нее в гостиницу, поднялся к себе в номер, принял душ и бросился на кровать, как утомленный жизнью человек – без сил, без мыслей и без каких бы то ни было желаний, кроме одного – не шевелиться до утра...

А утром, спустившись к завтраку, он получил из рук вежливого администратора голубой длинный конверт, где аккуратным женским почерком черными чернилами было написано: «Г-ну Д. Дунаеву». Он разорвал конверт прямо здесь же, отойдя в сторону и почему-то сильно нервничая. В конверте было письмо и фотографии.

«Доброе утро, Денис! Девушка, которая следит за тобой, зарегистрирована и проживает в «Негреско» под именем Надежды Васильевны Треповой, ее спутник – Аркадий Петрович Тришкин (как ты понимаешь, тебе бы вряд ли удалось выяснить это, мне же помогли связи Крымова).

Я сделала несколько снимков этой парочки вчера вечером в баре отеля (согласись, что тебе это было бы сделать гораздо труднее), думаю, они ничего не заметили. Как я и предполагала, она русская, и тот испанский, на котором они общались со своим спутником, не что иное, как желание выдать себя за испанцев (пуэрториканцев, мексиканцев...). Думаю, ты был прав, когда подозревал, что за тобой следят. Будь осторожен.

*Через неделю я буду в Москве, звони. Все мои координаты есть на моей визитке.
А я улетела. Целую. Юлия З.»*

4

В аэропорту Ларису встретила ее лучшая подруга – толстушка и очень серьезная девушка Лена. Впереди себя она толкала тележку для багажа. Строгая, в черном, только губы неизменно ярко-красные. Волосы каштановые, блестящие, причесаны волосок к волоску.

– Привет, Лариса, – Лена сдержанно обняла подругу, отчего-то стесняясь своих почти родственных чувств к ней. Лара почувствовала слабый аромат духов. – Ужасно рада тебя видеть. Выглядишь ты прекрасно!

Лариса, одетая очень просто, во все джинсовое, темно-голубое, тоже сияла, радуясь встрече с Леной.

– И я тоже рада тебя видеть... Ты молодец, что с тележкой... Предусмотрительная!

Подруги поставили тяжелые чемоданы и сумки на тележку и покатали к выходу.

– Я купила машину, так что мы на колесах, – как ни в чем не бывало сказала Лена. – Не «Бентли», но все равно...

– Знаешь, а я и не удивлюсь, если ты к моему следующему возвращению купишь «Бентли»... Ты же у нас умница, к тому же умеешь с толком тратить деньги... А вот у меня не получается. Представляешь, как только вижу хорошую вещь, причем сколько бы она ни стоила, сразу же покупаю. И, главное, остановиться не могу! Конечно, отец дает мне пользоваться его картой, но иногда мне кажется, что вот сейчас он позовет меня в свой кабинет, посадит перед собой и озвучит ту сумму, которую я потратила за последние две недели... И это окажется баснословная сумма. Просто нереальная...

– Ты знаешь мое мнение на этот счет.

Они подкатали тележку к машине. Лена открыла багажник новенькой черной, пахнущей кожей и чем-то неуловимо прекрасным «БМВ» и с хозяйским видом принялась укладывать туда багаж.

– Один чемодан и вот эту сумку придется положить на заднее сиденье, – озабоченно сказала она.

– Лена, какая ты замечательная! Мне просто повезло, что у меня такая подруга... Приехала, на новой машине... И не жалко ставить мои чемоданы на сиденье?

– Мне для тебя ничего не жалко, – вполне искренне ответила Лена и впервые улыбнулась. – Я на самом деле очень по тебе соскучилась... Вот смотрю на тебя и не верю, что это ты... Понимаю, не так уж и много времени прошло с тех пор, как мы не виделись, но все равно... Постоянно думаю о тебе, как ты там, переживаю, хотя знаю, что ты была не одна, с отцом...

– Знаешь, у отца неприятности... – Лариса села рядом с Леной, машинально осмотрелась, машина ей нравилась. – Что-то они там не поделили с компаньоном... Я подозревала, что он связался с непорядочным человеком, все знали, какая у него репутация, но на тот момент, когда отец только начинал свой бизнес, этот Головин был ему просто нужен – у него были деньги, много денег, которые он не знал, куда вложить... Вот так все и началось, да ты и сама знаешь, мы же говорили об этом... И вот теперь между ними – моим отцом и Головиным – кошка пробежала. Думаю, что они будут делить фирму, деньги... Это все ужасно, может так случиться, что отец разорится, если еще не разорился... Короче, я бы, может, еще какое-то время пожила там, да только у отца все на самом деле очень серьезно... Деньги вроде бы куда-то пропали... А тут еще я со своими расходами...

– Хорошо, что ты это хотя бы понимаешь, – вздохнула Лена. – Пристегнись.. Взлетаем.

Лена водила машину с детства, обожала скорость. Это сейчас, запакованная в строгий шелковый деловой костюм, она сидела на водительском сиденье обыкновенным, нормальным образом. Летом же, когда они путешествовали на машине на море и гоняли по трассе на предельной скорости, Лена, не стесняясь своей полноты, в удобных бриджах и хлопковой майке,

босая, устраивалась на своем водительском месте таким образом, что ее левая нога покоилась слева от руля, упершись пяткой в лобовое стекло. При этом тело ее было откинута назад, а руки, слившись с рулем, были его частью...

Машина, сильная, преданная хозяйке, набирала ход.

– Да уж, прямо скажем, новости не очень, – сказала Лена. – Я советовала тебе в свое время открыть свой бизнес, благо у твоего отца тогда было много денег. А сейчас, когда грядут такие события, не думаю, что он сможет тебе помочь. Ему бы самому выйти сухим из воды. Давай уж называть вещи своими именами: Головин – бандит. И хотя он выглядит очень даже презентабельно и улыбается всем подряд, скаля свои дорогие, сделанные в Цюрихе зубы, вся Москва знает, кто он, я имею в виду его хватку.

– Если бы просто бандит, – покачала головой Лариса, нервно накручивая на палец прядь длинных светлых волос. – А то за ним знаешь какие люди стоят... В этом его сила.

– Да уж знаю. Но тебе сейчас не об отце надо думать, а о себе, поняла? Квартира у тебя есть, слава богу, шмоток ты себе накупила на целую жизнь вперед... Теперь тебе надо подумать о своем будущем. Если ты не полная дура, то должна найти способ, как самой зарабатывать деньги. А я тебе во всем помогу, ты знаешь.

– Но я ничего особенного не умею... – призналась Лариса. – Я же всегда была при отце, и единственно, что я хорошо делала, это разбирала его почту, раскладывала документы по папкам да варила кофе... Честно.

– Можешь мне не рассказывать, я это и так знаю. Но сейчас мы с тобой должны придумать какой-нибудь бизнес... Я могу подкинуть тебе несколько хороших идей и даже могу посоветовать людей, которые реально помогут тебе на первом этапе. Но нужен начальный капитал. Нет, конечно, у меня есть какие-то деньги, но этого недостаточно. Вернее – это вообще не деньги, и уж точно они не могут стать стартовым капиталом. Поэтому ты еще раз попытайся поговорить с отцом, может, он подкинет тебе денег, а если нет, то будем думать, где их взять...

– Денис?... – предположила Лариса.

Лена промолчала. Затем, выдержав многозначительную паузу, сказала:

– Вот о нем-то я и хотела с тобой поговорить.

Лена, на мгновение повернув голову в сторону подруги, словно желая лишний раз убедиться в том, что это действительно она, мысленно обрушила на ее светлую голову целый ворох упреков. В сущности, она так и предполагала, что, как только Лариса вернется, она выскажет ей все, что думает об их отношениях с Денисом, объяснит на пальцах, что так, как ведет себя она, вести себя просто недопустимо, особенно если она хочет заполучить этого мужчину в мужа, и еще много чего полезного, важного. Но именно сейчас, когда Лариса была рядом, ей захотелось подольше не касаться серьезных тем... Однако Лариса сама, словно почувствовав неладное, спросила:

– Тебе что-нибудь известно о нем? У него кто-то появился?

– Успокойся. О нем никто ничего не знает, кроме того, что он отсыпается в Ницце.

– Лена, ты должна мне все рассказать... У тебя такой вид, будто ты знаешь что-то...

– Я ничего не знаю, правда. Но то, что вы с ним длительное время не видите, не может способствовать браку. Это же очевидно, Лара!

– Ты думаешь, я отказалась бы поехать с ним в Ниццу? Я пока еще в своем уме, и мне больше всего хотелось бы провести с ним его отпуск... Но все его друзья, все его окружение отлично знают, что Ницца для Дениса – это святое. И что он всегда проводит эти две недели, а то и месяц в одиночестве. Да что я тебе говорю, ты и сама все знаешь... А я не могу на него давить. Ты же сама мне говорила, что на мужчин давить нельзя. Что если бы он сам хотел меня взять с собой, то взял бы. Вот я и сделала вид, что нисколько не обиделась, что мне и самой позарез нужно в Лондон, к отцу... Вот так все и случилось.

– Вы не спите вместе, а это тоже плохо... Между вами нет того телесного притяжения, которое связывает любовников, понимаешь? Ты у него, уж извини, что я так откровенно...

«Вот не хотела же говорить на серьезные темы!»

– ...откровенно, но ты у него вроде декорации, такой красивой вывески: невеста. Уж лучше бы вы были любовниками, честное слово.

– Да я все понимаю. Вот он вернется...

– Уже.

– Что?

– Уже вернулся. Вчера ночью, а сегодня уже был у себя в офисе. Мне знакомая позвонила, сказала.

– Да у тебя повсюду агенты.

– Нет, я случайно узнала. И как только узнала, что он вернулся и ты сегодня возвращаешься, подумала, что надо будет с тобой все-таки поговорить, подумать, как лучше тебе с ним себя повести, чтобы он загорелся при встрече с тобой, чтобы он, изголодавшийся после Ниццы молодой мужик, буквально набросился на тебя...

– Изголодавшийся.. – усмехнулась Лариса. Она прислонилась лбом к стеклу и с грустью разглядывала проплывающие мимо ели. Они подъезжали к Москве. – Ты что же это, действительно считаешь, что он там ничего такого себе не позволял? Он что, совсем урод, что ли?

– Денис как-то признался одному своему другу, ты его хорошо знаешь, это Вадим Климов, а он в свою очередь является любовником моей знакомой, Оли Франк, так вот... Денис признался Вадиму в прошлом году, что он на самом деле в Ницце тупо отдыхает. И не заводит себе любовниц, и не снимает девиц в барах исключительно из-за лени... С женщинами нужно строить отношения, напрягаться, заниматься любовью, наконец, а потом, возможно, прятаться от какой-нибудь назойливой дамочки... Когда-то давно они, Вадим и твой Денис, постоянно ездили летом отдыхать на Ибицу, и там было все по-другому... Думаю, ты понимаешь, как они там проводили время. Сейчас же оба остепенились, больше стали уставать, а потому и отдыхать стали по-другому – либо в одиночестве, как твой Денис, либо, как Вадим, – с постоянной девушкой...

– Ты сама-то веришь в это?

– Лара, да ты, я вижу, не особенно страдаешь, предполагая, что у него в Ницце кто-то есть... точнее, был... Словом, ты поняла меня.

– Я не люблю его, Лена, ты знаешь. Он мне нравится, быть с ним престижно, он богат и все такое, он вращается в определенном круге людей, который пересекается с кругом общения моего отца и его друзей... Пусть это разные поколения, но у них много общего – их бизнес, деньги... Поэтому как жених он очень даже мне подходит. Но страсти к нему я не испытываю и очень рада этому... Ты только представь себе, каково мне было бы, если бы я любила его, а он отправился бы в Ниццу без меня... Да я бы сама помчалась за ним... А так... я не люблю его, – повторила она задумчиво. – Конечно, мне приходится разыгрывать перед ним ревность и любовь, без этого как? Но именно из-за отсутствия этой самой страсти и подлинной ревности я и живу так спокойно... Лена, мы с тобой много говорили об этом.

– Вот и хорошо, что мы так плотно подошли к тому, о чем я хотела с тобой поговорить. Сейчас, когда тебе просто необходимо подумать о себе, о своем независимом будущем, то есть о деньгах, ты должна выйти за Дениса замуж и через определенное время убедить его в том, что тебе необходим свой бизнес. Богатый муж – это, конечно, замечательно, но сегодня он есть, а завтра – нет. Вспомни, как много наших общих знакомых после того, как их бросил муж, остались ни с чем... Без прав на детей, без денег, без дома, без работы и перспектив. На мужчин в этой жизни надежды мало.

– А если он почувствует фальшь? Вдруг я не смогу сыграть роль влюбленной женщины, и что тогда?

– А мы постараемся сыграть эту роль хорошо. Иначе... иначе тебе придется играть эту же роль с другим мужчиной... Кандидаты есть... Но и они тоже скоро узнают, что твоему отцу грозит банкротство, поэтому, как ни крути, основная кандидатура – это все же Дунаев. Так что звони ему прямо сейчас...

– Сейчас? Но я не готова... Я устала, голодная, хочу с тобой поболтать о том о сем. Я тебе столько подарков везу... Ну не хочу я себе портить настроение этим разговором... Знаешь, что может получиться? Он сейчас наверняка занят в своем офисе, разгребает все то, что накопилось за время его отсутствия... А тут звоню я, говорю, что соскучилась и все такое...

– Думаешь, пошлет?

– Послать – не пошлет, но скажет, что очень занят и все такое. И мне это будет неприятно, понимаешь? Если же все пойдет по другому сценарию и он очень обрадуется моему звонку, то пригласит меня к себе, и этот вечер мне придется провести уже с ним... К тому же если он уже в Москве, то почему до сих пор не позвонил мне? Ведь, прилетая в Москву, он включает все свои телефоны...

– Звони, – приказала Лена. – Звони немедленно. Ты должна вести себя естественно, понимаешь? То есть как влюбленная дурочка. Вот и действуй!

Лара бросила на подругу страдальческий взгляд.

– Ладно, звоню.

Она достала телефон и позвонила Денису Дунаеву. Лена прислушивалась к длинным гудкам, которые доносились из телефона подруги, и качала головой.

– Вот видишь? Не берет трубку... Я же говорю тебе – наш роман закончился, даже не успев как следует начаться...

– Все равно не кипятись. Мало ли...

И тут вдруг раздался голос Дениса. Лариса зашебетала:

– Денис, родной, наконец-то! Мне разведка доложила, что ты уже в Москве. Представь себе, и я тоже сейчас еду из аэропорта... Ты хорошо отдохнул? Не соскучился?

Он что-то отвечал, но это Лена уже слышать не могла. Ей приходилось судить о разговоре, слушая лишь одну сторону.

– Знаешь, любимый, я решила, что больше никуда тебя не отпущу... Я понимаю, что ты устаешь, что тебе хочется отдохнуть, расслабиться, но думаю, что вместе мы бы отдохнули не хуже... А может, даже и лучше... Хорошо-хорошо, не хочу показаться тебе назойливой, но я по тебе соскучилась... Да-да, я все понимаю, у тебя, как всегда, куча дел... Позвонишь? Хорошо, я буду ждать. Ну, все, пока-пока, целую...

Она отключила телефон, вздохнула.

– Вот так-то вот... У него дела, видите ли... Согласись, Лена, что это просто счастье, что я не влюблена в этого мужчину, иначе бы страдала, плакала...

– Тоже верно... Но кого-то ты все-таки любила, любишь или будешь любить... – загадочным голосом произнесла Елена. – Так что рано или поздно ты все равно столкнешься с мужским эгоизмом, с их непредсказуемостью и безответственностью.

– Да плевать мне на все эти качества... – возмутилась Лариса. – Правильно ты говоришь, сейчас для меня самое главное – это охомутать его, заставить на мне жениться, а уж там я развернусь и сделаю все, чтобы позаботиться о себе... Глупость я, конечно, совершила, что раньше не сделала этого, когда у отца были деньги.

– А я считаю, что это он сам виноват в том, что не побеспокоился о тебе. Отец, тоже мне... Вот если бы у меня был ребенок, я бы в первую очередь о нем подумала. К тому же он прекрасно знал, кто его компаньон, мог предположить, чем все это кончится... Мог бы перевести свой актив на твое имя...

– Смысл-то? Даже если бы все его деньги были в моем активе, с Головиным-то все равно пришлось бы расплачиваться... Я имею в виду, что с этим типом надо расплатиться добровольно, понимаешь? Просто отдать ему деньги и забыть о нем...

– Ладно, расслабься. Я-то тебя никогда не оставляю. Помогу, чем смогу. Но пока что только советами, как прибраться к рукам Дунаева. Все, приехали... Сейчас оставим твой багаж и поедем ко мне, я приготовила обед. Посидим, поговорим. Ты мне все расскажешь...

– Лена, ты – удивительный человек. Жаль, что мужчины не обладают такими же качествами, как верные и преданные подруги...

В это время раздался звонок, Лариса с удивлением рассматривала номер на дисплее. Знаком дала Лене понять, что не знает, кто бы это мог быть.

– Слушаю...

Женский голос, незнакомый и очень тихий:

– Тебе придется распрощаться с Денисом. И в самое ближайшее время. Иначе у твоего отца будет еще больше неприятностей... Меня не ищи, я сама скоро приду к тебе и все объясню... Да, чуть не забыла – с возвращением, Лариса!

5

Денис положил трубку, радуясь тому, что ему удалось так быстро поговорить с Ларисой. Надо же, как подгадала – прилетела практически одновременно с ним! Хотя они ни о чем не договаривались... Соскучилась она, можно подумать. Если бы по-настоящему соскучилась, если бы вообще испытывала к нему какие-либо чувства, разве вот так спокойно отпустила бы его одного в Ниццу? Холодная, расчетливая девушка, знающая себе цену и способная ради достижения своей цели закрывать глаза на многие не свойственные влюбленным вещи. Зачем ей этот брак, зачем ей вообще Денис, если она не любит его? Хотя, конечно, каждая девушка в ее возрасте мечтает выгодно выйти замуж, устроить свою жизнь.

Однако его голова сейчас занята совершенно другими вещами. Итак. Надежда Трепова. Кто она такая? И какое отношение имеет к его персоне? Конечно, у него были девушки, и немало, но вот имя Надя ни с кем не ассоциируется. Не было у него девушки с таким именем. А уж фамилию такую он точно бы запомнил...

Разобравшись немного с накопленными за время его отсутствия документами, он сложил их аккуратно стопкой, расчистил себе место на столе, достал конверт со снимками этой самой Нади Треповой и ее спутника Аркадия Тришкина и стал в который уже раз изучать, пытаясь вспомнить, где он мог видеть их прежде. Но память молчала.

Опять же. Зачем им было нужно изображать из себя испанцев? Что за дурь? И люди-то небедные, раз жили в «Негреско». Что им от него понадобилось?

Вывод напрашивался один: они его с кем-то спутали.

Но самое интересное заключалось в том, что он сам поступил по-идиотски, там, в Ницце, в то самое утро, когда, узнав их подлинные имена, снова попытался заговорить с этой Треповой по-русски.

Это произошло буквально сразу же, когда он, завтракая в ресторане отеля, увидел входящую туда же «испанскую» парочку. Они расположились, конечно же, за соседним столиком и снова принялись болтать по-испански.

Он мог бы, конечно, не церемониться и обратиться к ним в грубой форме, как того требовала ситуация. Но девушка была так ослепительно хороша, так прекрасна в своих небесно-голубых коротких шортах, позволявших любоваться ее стройными загорелыми ногами, и белой рубашке. Солнце играло ее густыми каштановыми волосами, и ветер трепал оранжевый шифоновый шарфик. Словом, ему показалось, будто бы Юлия что-то напутала, когда написала, что они русские и что эту очаровательную девушку зовут Надя Трепова. Как угодно, но только не Надя Трепова. Ее имя должно было состоять из звонкого щелканья кастаньет (Ананкиэкайон) или прозрачности челесты (Консепсьон), солнечных бликов и запаха морского прибоя (Мэрибель), нежности утренних олеандров (Алеяндра) или быть чем-то вроде грубовато-хрипловатых и интригующих «Соледат» или «Чэро».

И он снова осмелился подойти к ним, но вместо того, чтобы задать им провокационный вопрос, способный вывести их на чистую воду, мол, что это вы, дорогие соотечественники, устроили на меня настоящую охоту, промямлил, обращаясь к Пилар ли, к Филоменлу:

– Трепова – это ваша настоящая фамилия?

Нежно так спросил, неуверенно, словно извиняясь.

Девушка в ответ широко раскрыла свои и без того огромные темно-зеленые глаза, пожала плечами и, обращаясь к своему спутнику, с любопытством наблюдавшему эту сцену, произнесла что-то экспрессивно на испанском, затараторила, замахала руками, мол, а ты куда смотришь, идиот, не видишь разве, что твою девушку оскорбляют?! Или что-то в этом духе. Хотя она могла бы точно с таким же успехом (точнее, темпераментом) попросить у своего мужа (жениха, любовника, брата, сутенера) соль. Кто их поймет, этих испанцев, пуэрториканцев?

Денис вернулся за свой столик, чувствуя, как лицо его пылает от стыда. Вот только чего он стыдился, он и сам-то толком не понял. Неужели Юлия что-то напутала?

Однако после этого завтрака и неудавшейся попытки раскрыть инкогнито этой пары они исчезли. Сначала их отсутствие он принял за невозможность проследить за ним, другими словами, они его упустили, потеряли из виду, хотя раньше они буквально хвостом за ним ходили. К вечеру ему стало ясно, что их просто нет в городе. Они за эти несколько дней, что он проживал в гостинице, успели вычислить практически все его маршруты, и найти его им бы не составило никакого труда, тем более что он в этот последний день бывал именно там, где и раньше, – набережная, полюбившиеся ему прибрежные кафе и рестораны, холл гостиницы... Понимая, что их исчезновение лишь подтверждает тот факт, что они действительно следили за ним, и когда он узнал их настоящие имена, они решили, что дальнейшая слежка невозможна, что он может обратиться в полицию, он в каком-то отчаянии обратился к администратору с просьбой выяснить, может ли он оставить письмо Надежде Треповой. И ему стало совсем уж нехорошо, когда ему ответили, что Надежда Трепова покинула отель несколько часов тому назад.

Вот кто она такая? Что им от него было нужно? И если и было что-то нужно, то почему они тогда не обратились к нему напрямую? Зачем ходили по пятам? Зачем говорили по-испански?

Вопросы, вопросы...

Но девушка была хороша. Ослепительно хороша.

Денис попросил секретаршу принести чай с лимоном. Надо было успокоиться и начать размышлять снова. Проанализировать каждый день, прожитый им в Ницце. И чем больше он размышлял, тем все больше и больше склонялся к мысли, уже не новой, что его явно с кем-то перепутали. Его бизнес был стабилен, строительная компания, владельцем которой он являлся, занимала прочное и надежное место среди других, не менее крупных компаний, дорогу он никому не перебегал, споров ни с кем не было, поэтому и проблем с этой стороны быть не должно. Его личная жизнь в последнее время и вовсе была прозрачной, скучной и неинтересной. Оскорбленных или обиженных девушек, которые могли бы затеять какую-нибудь страшную женскую месть, тоже не имелось. Друзья, с которыми он проводил время, были надежными, преданными, в этом он тоже не сомневался. Да и завистников у него, как ему казалось, не имелось. Он спокойно жил, работал и никому не мешал, никого не дразнил, не конфликтовал. С родственниками тоже все сложилось, слава богу – многим он помогал, причем реально – давал денег, устраивал на работу.

– Вот ваш чай, Денис Евгеньевич, – секретарша, пухлая зрелая блондинка в строгом сером костюме и белой шелковой блузке, заботливая и милая, с приятной улыбкой и веселыми глазами, поставила перед Денисом поднос с чаем. – Может, приготовить бутерброды?

– Нет, Ирина Ивановна, спасибо. Знаете, вы можете уже идти, я же помню, сегодня день рождения вашей дочери, и вам нужно быть дома пораньше...

– Спасибо, удивительно, что вы за всеми вашими проблемами и делами вспомнили обо мне.

Она хотела было уже удалиться, как вдруг ее взгляд скользнул по разложенным по столу фотографиям с изображением «испанцев». Брови ее нахмурились, она задержала свой взгляд на снимке с «Габриэль-Пилар-Консепсьон» и подняла глаза на Дениса. Она явно хотела что-то спросить, даже рот, как показалось Денису, открыла, но снова закрыла и невольно пожала плечами.

– Ирина Ивановна?..

– Денис Евгеньевич... Вы извините, конечно... Просто все это как-то странно... Ну, хорошо, я пойду, не стану вам мешать... – Она уже направилась к выходу, как Денис окликнул ее:

– Ирина Ивановна, вам знакома эта девушка?

– Думаю, что да. – Она с готовностью вернулась к столу. – Это же Надя.

Денис вспыхнул. Дожил. Или совсем потерял память? Даже его секретарша знает больше, чем он сам.

– Надя? Какая Надя? Она что, работает у нас? – догадался наконец он.

– Это же наша уборщица. Она убирает в вашем кабинете, приемной, в коридоре на нашем этаже... Надя Трепова.

И тут он вспомнил. Девушка, которую он как-то застал, вернувшись поздно вечером в свой офис за документами. Он видел ее всего-то несколько минут. Открыв дверь, ведущий в длинный коридор, по сторонам которого располагались кабинеты главного бухгалтера, экономиста и юридического отдела, он быстрым шагом направился в сторону своего, и в это самое время из приемной вышла девушка. Она явно не рассчитывала никого увидеть в это позднее время (было половина одиннадцатого вечера), поэтому, заметив быстро приближавшегося к ней директора, испугалась, наверное, или просто от неожиданности уронила на пол все, что держала в руках – папку с рисунками, которые сразу же разлетелись по красной ковровой дорожке, рядом с сухим и каким-то твердым звуком приземлился коричневый кожаный рюкзак, который тут же открылся и оттуда показалось все его содержимое – стеклянная баночка с остатками супа и кипятыльник...

Он вдруг вспомнил, что сказал ей тогда, этой девушке:

– Что вы здесь делаете? Кто вы?

– Я здесь убираю...

Потом вдруг она, быстро поднимая с пола рисунки, пробормотала:

– Просто у меня комната маленькая, а здесь же все равно никого нет, вот я и рисую. Извините меня, пожалуйста...

Вот откуда эти ассоциации! Девушка, рисующая углем или карандашом, запах супа или щей... Как же интересно все-таки устроен человеческий мозг! Он же ему подсказывал еще там, в Ницце, где и при каких обстоятельствах он мог видеть эту девушку.

– Ирина Ивановна, эта девушка... Надя Трепова. Кто она? Кто ее принял на работу? Чем она еще занимается, кроме того, что убирается здесь?

– Надя? Она хорошая девушка. Очень талантливая. Художница. Самостоятельная, независимая такая... Я просто знаю, что к ней набивался в приятели один из наших юристов, Шитов, думаю, что предлагал ей свое покровительство...

– Ирина Ивановна, откуда вам все известно?

– Я же ваш секретарь, я все должна знать, – она снова улыбнулась. – Но если честно, то мне девчонки из бухгалтерии рассказали. Он попросил эту Надю нарисовать его портрет, карандашом, и она нарисовала. Буквально за несколько минут. Он заплатил ей, между прочим, хотя она сначала не хотела деньги брать. Но потом, как мне рассказали, передумала, сказала что-то вроде, что ей нужно за комнату заплатить, и взяла деньги у Шитова.

– А что она делала в моем кабинете с рисунками?

– Думаю, она занимается здесь, когда все уходят, когда никого нет... не думаю, что это такое уж большое преступление.

Денис вдруг представил себе, как эта Надя Трепова, оставшись одна на этаже, запирается и сначала долго и утомительно все пылесосит, протирает паркет, вытирает всюду пыль, а потом, управившись с работой, принимается за любимое дело. Рисует... Порисует, потом сделает перерыв, подогреет себе суп в банке, поест, попьет чаю и снова рисует.

– Постойте, а что она рисует? Она что, дома не может?

– Вроде бы у нее там обстановка не позволяет. Она же в коммуналке комнату снимает, вероятно, там такие соседи... Я точно не знаю. Никто не знает. Но девушка она интересная, я соглашусь с вами...

И Ирина Ивановна бросила многозначительный взгляд на фотографии.

– Но это не она, – поспешил объяснить ей Денис. – Это другая девушка... Она вообще не русская... Просто мне тоже показалось, что я ее где-то видел, а где – долгое время вспомнить не мог. И вдруг вы только что мне подсказали... Да, она удивительным образом похожа на нашу Надю Трепову.

– Да? На самом деле, интересно... И кто же эта девушка?

– Она испанка. Ее зовут Соледат. Я познакомился с ней в Ницце.

– Надо же, какие бывают похожие люди...

– Она до сих пор у нас работает?

– Ну да!

– И вчера работала, и позавчера?

– Я не в курсе... Вы хотите с ней увидеться? Поговорить? Если хотите, я пришлю к вам начальницу отдела кадров, Валентину Викторовну...

– Да, если можно.

– Хорошо, – Ирина Ивановна снова пожала плечами, пробормотала что-то и быстрым шагом, цокая каблучками по паркету, поспешила к выходу.

– На сегодня вы свободны! – сказал ей вслед Денис. – И пожалуйста, Ирина Ивановна, никому ни слова о нашем разговоре.

– Да-да, конечно...

Через несколько минут в кабинет робко вошла Валентина Викторовна, молодящаяся женщина в коротком белом летнем платье.

– Валентина Викторовна, прошу вас, присядьте. Скажите мне, пожалуйста, у нас работает такая Надежда Трепова?

– Надя? Да, работает. Она уборщица, убирает целый этаж и приемную, ваш кабинет и комнату отдыха...

– Она работала здесь последнюю неделю? Вы видели ее?

– Я лично не видела, но уборка производилась, это точно.

– А как это можно выяснить?

– Я могу ей позвонить или связаться с Людой Валеевой, которая убирает третий этаж и моет лестницы. Вот она точно может сказать. Вы же понимаете, что уборщицы приходят после того, как все помещения уже свободны для уборки, когда все уходят.

– Пожалуйста, свяжитесь с кем угодно, только скажите мне, работала эта Трепова последнюю неделю или нет.

– Что-нибудь случилось? У вас пропали деньги? Хорошо-хорошо, я все поняла... Сейчас же позвоню. Но не проще ли позвонить самой Треповой и спросить ее, работала она или нет?

Странно, но эта мысль ему почему-то не пришла в голову.

– Сообщите мне номера телефонов и Треповой и Валеевой, – бросил он в раздражении. – И идите уже...

– Извините.

Валентина Викторовна, явно обиженная на его тон, почти выбежала из кабинета. Через несколько минут она прислала ему на почтовый ящик письмо с номерами телефонов уборщиц.

Денис сначала позвонил Валеевой. Понимал, что поступает как последний идиот, что ему, генеральному директору, не пристало опускаться до звонка уборщице, но уж больно хотелось выяснить правду.

– Люда? Добрый день, это Денис Евгеньевич Дунаев. Скажите, Люда, вы были последние семь дней на работе, убрали этаж, мыли лестницы?

Сначала была тишина, видимо, девушка перебаривала услышанное, потом заикающимся голосом ответила, что да, работала, спросила, не случилось ли чего.

– А ваша коллега, Трепова Надежда, тоже работала?

– Нет... – Снова последовала пауза. – Но что в этом особенного? Она попросила меня поработать за нее, и я сделала все так, как она говорила... Даже воду в аквариуме в комнате отдыха поменяла... У меня ни одна рыбка не погибла. И растения все протирала, эти огромные монстры... Что случилось, Денис Евгеньевич? Что я натворила?

– Все в порядке, Людмила. Значит, Надежда Трепова на работу не приходила. А почему? Что с ней случилось?

– Она сказала, что у нее была срочная работа... Вы поймите, она же не прирожденная уборщица вроде меня... Это я ничего в жизни не умею делать. А Надя – она художница, она работает по контракту с одним издательством, иллюстрирует книгу... Ей просто надо было закончить работу, вот и все! Что, у нее из-за этого будут неприятности?

– Нет-нет, спасибо, все нормально. Было бы даже хорошо, если бы вы с ней на эту тему не говорили, не передавали наш разговор... Всего хорошего, Люда.

Он позвонил Валентине Викторовне.

– Пришлите мне срочно адрес Треповой. Заодно и ее паспортные данные.

И через пару минут на экране появился адрес. Цветной бульвар. Неплохо. Может, и коммуналка, зато в самом центре Москвы.

Вот сейчас он приедет по этому адресу, увидит эту самую Трепову, покажет ей фотографии и спросит, зачем она за ним следила и что ей вообще от него нужно. Конечно, у него есть своя служба безопасности, и он мог бы поехать к Треповой с каким-нибудь из своих людей, но не смешно ли это будет? Чего ему бояться?

Его осенила блестящая, как ему показалось, идея. Он вызвал к себе начальника службы безопасности и попросил выяснить, не покидала ли Москву Трепова Надежда Васильевна. В случае, если покидала и у него будут на руках доказательства, вот тогда ему будет о чем поговорить с этой уборщицей-художницей...

Конечно, очень хотелось позвонить Земцовой, но он был уверен, что ее пока еще нет в Москве. Не хотелось беспокоить по пустякам. Да и трусом показаться тоже. Пока что он сам делает все, что в его силах, попытается разобраться, какая связь между Треповой и его отпуском в Ницце, и только потом, когда у него будут на руках доказательства того, что это действительно Надя Трепова изображала из себя испанку на Лазурном Берегу, вот тогда можно будет сначала попытаться у нее самой выяснить, зачем ей это было нужно (или кто заставил), или же обратиться за помощью к Юле Земцовой. Быть может, это Лариса, откуда-то знающая Трепову, попросила Надю проследить за женихом. А может, дело куда серьезнее, чем может показаться. Ведь и тогда, перед тем как начались первые угрозы от неизвестного человека и стали пропадать крупные суммы денег, он жил относительно спокойно и ничего не подозревал. Страшно вспомнить, что он тогда пережил, узнав, что этот неизвестный, который чуть не довел его до банкротства и инфаркта, был его родным братом. А вдруг и сейчас против него готовит заговор кто-то из его самого близкого окружения? Самый близкий друг... Стоп. Близкий друг... Вадим Климов. Со дня на день он должен вернуться из отпуска. Как Денису доложили, Вадим решил провести недельку в Венеции. Пижонище! Наверняка поехал туда вместе с Олей Франк. Венеция, романтика. Не иначе как Вадим надумал жениться на красивой и тихой, как ночное озеро, Олечке... Про ночное озеро – это придумал, конечно, сам Вадим, влюбленный в Олю по уши, буквально ослепленный ее красотой.

И вот как представить, что такой человек, как Вадим, светловолосый, нежный, умный и преданный, с которым так много всего пережито, вдруг копает под Дениса... Вадим – его зам, правая рука. Говорят, что самые близкие люди и есть самые опасные предатели. Сколько историй он слышал на эту тему. Родные братья, сестры, даже отец против сына, жена против мужа... Как же деньги портят людей... И все равно, представить себе Вадима в образе злодея у него не получалось. Тем не менее где-то в глубине души он нащупал клавишу «сохранить» – и сохранил: «присмотреться к Вадиму».

* * *

Начальник службы безопасности позвонил и сообщил, что 3 июня из Москвы в Ниццу рейсом авиакомпании «Austrian Airlines» вылетела пассажирка Трепова Надежда Васильевна, 1988 года рождения. Номер паспорта прилагался. Невероятно, но это был номер паспорта той самой Надежды Треповой, уборщицы, которая убиралась в его офисе! Полный абсурд! Девушка, которую он видел в Ницце, была увешана дорогими украшениями и благоухала, как роза... Она не могла до этого вот так просто мыть полы в его кабинете и вытирать пыль. Это разные девушки. Хотя...

И тут он подумал, что все могло случиться совсем не так, как ему показалось в самом начале.

Может, до поездки в Ниццу она и была бедной художницей, подрабатывающей уборщицей, а потом встретила с Аркадием Тришкиным, состоятельным господином, который и осчастливил ее – придел и взял с собой на Лазурный Берег! И не уволилась она по простой причине – решила подстраховаться на всякий случай и сохранить за собой место работы (хотя разве можно назвать стоящей работой то, чем она занимается, с пылесосом в руках?!). А вдруг этот Тришкин – ненадолго? Поэтому и обратилась с просьбой поработать за нее Людмилу Валееву.

Может, все так и было? И пусть себе живет с Тришкиным и радуется жизни. Но только зачем им было тогда болтать на испанском и следить за ним, за Денисом?

– На Цветной бульвар, – сказал он водителю. – И побыстрее.

6

– Вот, выпейте воды и давайте все по порядку... Итак...

Следователь прокуратуры Игорь Левин, устроившись за столом, достал блокнот и приготовился писать. Все это происходило в тесной кухне квартиры, принадлежащей Александру Сырову, человеку, труп которого час тому назад обнаружила под кроватью его родная сестра, Екатерина Сырова.

Девушка была бледная, дрожала всем телом. Ей явно требовалась медицинская помощь. Однако именно сейчас, находясь в этом состоянии, она могла сообщить обо всем том, что произошло в этой квартире.

– Мы с моим другом, Толиком, приехали сюда, зная, что Саша нет дома. Я точно знала, что он должен был улететь в Ниццу. Мы с ним беседовали незадолго до этого.

– В Ниццу? Отдыхать?

– Не знаю... Наверное.

– Чем занимался ваш брат?

– Он – программист. Работал в одной фирме... Честно говоря, я мало что знаю о его работе.

– Он хорошо зарабатывал?

– Не думаю. Были у него, конечно, кое-какие заработки помимо его основной работы. – Катя судорожно схватила стакан с водой и сделала несколько глотков, при этом зубы ее стучали о край стакана. – Он компьютеры ремонтировал.

– Часто ваш брат совершал такие поездки – на Лазурный Берег?

– Нет. Но иногда все-таки где-то бывал. Он покупал дешевые горящие туры, он был легким на подъем... – она залилась слезами.

– Итак, вы пришли с вашим приятелем Толиком сюда, в эту квартиру... Зачем?

– Понимаете, я живу с родителями. Постоянный контроль... Но мы уже взрослые. У Толика тоже родители, не квартиру же нам снимать для встреч... Вот я и решила, что никому не будет плохо от того, что мы проведем эту ночь в квартире моего брата. Тем более что его точно не должно было быть дома.

– Понятно. И что дальше?

Катя, кутаясь в черный мужской махровый халат, вдруг поняла, что под ним она голая. Даже загнурилась от стыда.

– Мы... поделись уже... Скажу сразу, мы немного выпили в клубе... Нам было хорошо, весело...

Она бросила взгляд на прикрытую дверь кухни, за которой, в нескольких метрах от нее, сидел и ждал допроса белый от страха Анатолий, и почувствовала прилив тошноты.

– Я не помню, кто первый сказал, что пахнет... Что отвратительно пахнет... Мы не сразу заметили.

Левин хорошо представил себе картину, как эти двое, стгорая от желания, раздевались, как бросились на кровать и как ядовитый запах, льющийся из-под кровати, где лежало завернутое в полиэтилен тело Катиного брата, отравил их страсть, как вмиг отрезвил, привел в чувства...

– Ваш брат, Катя, жил один?

– Да, один. Он был малообщительный, хотя довольно симпатичный.

– Что же, у него и девушки не было?

– Не знаю, я ни разу не видела.

– Скажите, вот вы осмотрели комнату... У брата что-нибудь пропало?

– Денег я не нашла, но я и не знаю, где он их хранил... Но вы же понимаете, он должен был отправиться в Ниццу, не думаю, что он держал деньги наличными. Скорее всего, все средства у него были на банковских картах... Он и мне советовал тоже держать их в банке или на карте. В кухне, в пустой сахарнице, вон в той, – она указала на фарфоровую треснутую сахарницу у розочках, – лежит три тысячи рублей.

– А компьютер?

– Вот уж в компьютерах я точно ничего не понимаю. Но это самое ценное, что было у него дома, да и в его жизни тоже. Уверена, что все свои деньги, какие только у него появлялись, он тратил на компьютер, все чего-то докупал, устанавливал...

– Думаю, вы понимаете, что этот компьютер нам придется забрать, чтобы изучить, поработать над ним.

– Да-да, конечно, без проблем... Господи, Сашка! – завывала она. – И так в жизни ничего хорошего не было, одна сплошная работа, ни личной жизни, ни семьи, ни детей! Хотя ему было уже двадцать семь. Не представляю даже, кто и за что мог его убить! А как он, кстати, был убит?

– Ему проломили голову.

– А чем?

– Предположительно, молотком, который и нашли вместе с телом, завернутым в целлофан. А этот целлофан, скажите, он был здесь, в квартире, вы не знаете?

– Не знаю... слишком большой кусок. Это же не упаковка какая, его явно покупали, он же совсем новый, – ответила Катя.

Она говорила чистую правду. Полиэтилен был явно куплен преступником, который тщательно готовился к убийству. Главным для Левина было определить мотив преступления. Кто и за что убил скромного компьютерщика? Вариантов, как всегда, было много. Сыров бывал в квартирах своих клиентов, которым ремонтировал компьютеры, и мог случайно что-то увидеть или услышать, и за это его могли убить как свидетеля. Возможно, у него все же была личная жизнь, о которой его сестре ничего не известно, но которая могла послужить мотивом для сведения счетов, ревности... Он мог кому-то задолжать деньги...

Конечно, сама квартира могла бы подсказать, какая здесь произошла драма, что такого могло случиться в жизни простого компьютерщика, за что его могли убить. Но результатов экспертизы придется подождать. А так даже при тщательном осмотре было ясно, что Сыров жил один, что ни одна девушка не оставила здесь своих видимых следов – ни зубной щетки, ни духов или расчески, ничего такого, что могло бы свидетельствовать об обратном. Возможно, кто-то здесь и наследил – знакомые ли, друзья, убийца, но пока что о них не было ничего известно.

Левин приказал запаковать постель, на которой спал Сыров, чтобы выяснить, нет ли на ней биологических следов женщины.

Взяты были на экспертизу записная книжка Сырова, документы, кассовые чеки...

– У него была борсетка! – вдруг вспомнила Катя. – В ней он держал свой кошелек, проездной, какие-то записки, документы...

– Нет ни борсетки, ни телефона... А машины у него не было?

– Что вы, какая машина! – она замахала руками. – Говорю же, в его жизни была только одна машина – вот эта!

И она указала на одиноко стоящий на столике осиротевший компьютер.

* * *

Беседа с Анатолием не дала вообще ничего. Он находился в каком-то ступоре, и Левин подумал, что теперь ему не скоро захочется любви. Да и Катя, к сожалению, будет теперь

ассоциироваться у него с этой квартирой, этими ужасными запахами, видом разложившегося трупа...

Удивительно, как это они сразу не почувствовали этот запах. Хотя с того момента, как они вошли в квартиру, и до того, как легли в постель, прошло всего несколько минут. Труп был очень хорошо завернут в полиэтилен, упакован в несколько слоев...

Стоп. Полиэтилен. Неплохо было бы, конечно, выяснить, где и когда он был куплен. Но сейчас июнь, дачники до сих пор докупают полиэтилен для парников. Во всяком случае, мама Левина, страстная любительница цветов, совсем недавно докупала полиэтилен, чтобы посеять турецкую гвоздику. Она сказала, что она должна взойти к концу лета, а цвести будет только на следующий год. Да и как вычислить тот магазин, где его покупали, если преступник не оставил магазинный чек...

Левин был уверен, что на полиэтилене нет ни одного отпечатка пальцев, что преступник действовал в перчатках. Если он не идиот, конечно.

Он снова пригласил Катю.

– Скажите, когда вы видели вашего брата последний раз?

– Точно не помню. Мы с ним разговаривали по телефону... У меня своя жизнь, у него – своя. В Москве большие расстояния, мы все работаем, и свободного времени остается не так уж и много.

– Ясно... Думаю, что и родители ваши тоже мало что о нем знают, так?

– Да, это так. К сожалению. Он редко их навещал...

– Тогда давайте еще раз вспомним, как, в каких выражениях, с каким подтекстом он говорил вам о Ницце?

– Да просто сказал, что хочет отдохнуть, что давно не был в Ницце...

– Вот как даже? «Давно не был в Ницце...» Значит, он бывал там прежде. Что ж, и это тоже проверим.

Да, отдохнул парень в Ницце. Как же. Ницца... А что, если его убили, чтобы он не полетел туда?

Вечером у Левина уже была кое-какая информация по Сырову. Да, он действительно 3 июня должен был вылететь из Москвы в Ниццу рейсом авиакомпании «Austrian Airlines», но в списке пассажиров этого рейса его не было. Тело пролежало, получается, три дня под кроватью в квартире. И только благодаря тому, что оно было плотно завернуто в полиэтилен, пахло не так сильно, как если бы лежало неупакованным.

Зная номер телефона Сырова, Левин заказал распечатку его звонков. Но и здесь информации было негусто. Практически все звонки его были адресованы коллеге по работе, Виталию Малышеву, программисту фирмы «Fagot-Free-центр». Остальные звонки – и входящие и исходящие – надо было изучать.

Левин сам поехал в конце рабочего дня в фирму «Fagot-Free-центр», нашел Виталия Малышева и, сообщив об убийстве Сырова, узнал, что фирма занимается программированием для иностранных заказчиков, но сотрудникам-программистам платят мало, вот им и приходится подрабатывать ремонтом компьютеров. Просмотрев распечатки звонков Сырова, Малышев, достав свои записи в блокноте, сообщил, что это номера телефонов «левых» клиентов, то есть как раз тех людей, которые пользуются услугами Сырова и его самого, Малышева. Причем это номера телефонов начальников компьютерных отделов различных фирм, а не частных лиц.

Они разговаривали на лестнице, Малышев, худой носатый парень с мрачным неулыбчивым лицом, казался задумчивым.

– Вы говорите, Сашку убили... Но за что? Он же был совершенно неопасный человек...

– То есть?

– У него не было и просто не могло быть врагов. Он больше всего на свете любил свою работу и делал ее блестяще. Да, конечно, его злило, что нам так мало платят, поэтому брался

за любую подработку. И брал недорого, говорил, что у людей и так денег нет... Словом, добрейшей души был человек. Ума не приложу, за что и, главное, кто мог его убить! Он никогда и ни с кем не конфликтовал, поверьте мне!

– У него была девушка? – спросил Левин.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Знаете, он мало о себе рассказывал. Я знал только, что у него есть сестра Катя, которую он очень любил. Он мечтал накопить денег и купить ей квартиру.

– А как же так получилось, что у него есть квартира, а у сестры – нет?

– Я тоже спрашивал его. И он сказал мне, что все дело в воспитании. Что у родителей есть деньги и что они могли бы Кате купить жилье, но она еще молодая, будет мужиков водить, ну и разное такое... Сашка еще удивлялся, говорил, что если уж кто захочет водить мужиков, то найдет способ... Короче, полная ерунда!

– Накопить денег на квартиру? И это представлялось ему реальным?

– Он хотел свою продать, купить себе где-нибудь в спальном районе, а на разницу плюс какие-то сбережения купить тоже в спальном – для Кати. Но это, конечно, были пока что только разговоры, мечты. Его очень устраивало, что квартира у него в центре, что работа неподалеку, что клиенты тоже поблизости находятся... Да и вообще, он очень любил свою квартиру, и я понимал, что мечты – это одно, а реальная жизнь – другое.

– Он часто путешествовал?

– О да! Он часто куда-нибудь мотался. Брал горящие дешевые путевки, путешествовал налегке. И вообще изобретал такие маршруты и способы путешествий, чтобы это обходилось ему дешевле. Знаю, что иногда ездил, как говорится, дикарем, один, но готовился к поездке. Связывался по Интернету с людьми, которые знакомили его с семьями, готовыми принять его на неделю-другую, завязывал знакомства... Саша говорил, что останавливаться в какой-нибудь семье и дешевле, и полезнее в плане изучения языков... Вот такой был Саша Сыров. Тихий, скромный, любознательный, талантливый... Мне на самом деле жаль, что его убили... Вы говорите, проломили голову. Но за что? Кому он мог перейти дорогу?

* * *

На следующий день, утром, Левин снова вернулся в квартиру Сырова. Информация, которую он получил от специалистов, изучавших компьютер Сырова, заставила его проверить еще одну из версий, связанных с его профессиональной деятельностью. Оказалось, что компьютер, который находился в квартире Сырова в день обнаружения трупа, был просто бутафорией, пустой коробкой, из которого вынесли весь «мозг». Это могло означать только одно – убийца позаботился о том, чтобы никто не узнал, чем жил, дышал и интересовался Саша.

Значит, было все-таки в жизни этого тихони, большого любителя путешествий, нечто такое, что мешало кому-то жить. Или узнал чего лишнее, или переписывался с кем-то, кто не хотел, чтобы об этом знали... Поди сейчас догадайся, что было у него в голове, когда он собирал свой рюкзачок в дорогу...

Выяснить, где, в какой туристической фирме он заказывал билет до Ниццы, пока не удалось, но это было вопросом времени. Но, учитывая информацию, полученную от людей, которые были знакомы с Сыровым, можно было предположить, что Ницца должна была стать еще одним пунктом его одиночных странствий по свету. Не самый плохой пункт, надо сказать.

Левин бродил по квартире, в которой, несмотря на то что сестрица успела все прибрать и вымыть, стоял сладковато-ядовитый запах смерти.

Спартанская обстановка, все строго, чисто, аккуратно. Он был педант, этот Саша Сыров.

На стенах купленные явно с рук, на Крымском Валу, милые акварели – пейзажи, натюр-морты. И лишь над письменным столом карандашный портрет-зарисовка самого Саши, выполненный человеком явно талантливым.

Левин снял застекленный портрет, внимательно изучил. Маленькая подпись в правом нижнем углу работы – «Н. Трепова».

Что ж, это уже кое-что. Конечно, это могла быть просто девушка-художница с Арбата, а может, знакомая.

На столе среди кипы разного рода принтерных распечаток – от туристических маршрутов до специальных профессиональных текстов, связанных с программированием, – одна обратила на себя особое внимание Левина.

«Торговая компания «Синий лев» приглашает на работу художника-иллюстратора.

Требования:

Мужчина/женщина, гражданство РФ.

Опыт работы в области создания иллюстраций, мультперсонажей.

Отличный рисунок от руки – обязательно.

Умение работать в графических программах, желательно владение программами по работе с трехмерными изображениями.

Наличие портфолио обязательно!»

Он тотчас набрал номер Кати Сыровой.

– Скажите, Катя, ваш брат умел рисовать?

– Нет, не умел. А что?

– Может, он подыскивал место работы какому-нибудь своему знакомому или знакомой? Вам ничего об этом не известно?

– К сожалению, нет.

– А вот портрет, который висит над его столом... Вы не знаете, кто и при каких обстоятельствах его нарисовал?

– Кажется, кто-то на улице, какой-то художник.

– Или художница? Здесь написано «Н. Трепова».

– Нет, не знаю, я никогда не слышала эту фамилию.

Закончив осмотр квартиры, Левин вышел, запер ее, снова опечатал и позвонил в соседнюю дверь. Женщина в фартуке, явно готовящая ужин, поскольку из глубины квартиры доносились запахи жареной рыбы, узнав, кто он и чем занимается, пригласила его войти.

– Хотите холодного компоту?

В жаркой, душной кухне ему было приятно разглядывать тарелочки на стенах, коллекцию хохломской деревянной посуды, бросать голодные взгляды на сковородку с шипящими в ней большими кусками рыбы. Холодный клубничный компот приятно утолил жажду.

Женщина сама принялась рассказывать о своем соседе. В сущности, ее рассказ мало чем отличался от всего того, что Левин уже знал о Сырове. Тихий, спокойный, работающий молодой мужчина.

Безо всякой надежды Левин задал вопрос о его личной жизни, и тут, к его радости, женщина сказала:

– Ну да, была у него одна девушка... Правда, бывала она здесь редко, я, во всяком случае, видела ее всего лишь два-три раза. Простая, очень скромно одетая и какая-то зачуханная, понимаете? Вот есть такие девушки, которым даже если дать денег, они не смогут прилично одеться. Вот и она из таких. Видно, что красавица от природы, но волосы немытые, брюки какие-то не по размеру... Жуть! Думаю, что она приходила к нему по делам. В руках – какие-то папки с документами или рисунками...

– Может, она художница?

– Может, и художница. Странная какая-то... Точно художница. И знаете почему? Потому что у нее пальцы были черные и оранжевые... словно не отмылись. Я еще подумала тогда, и чего это она с грязными руками ходит. И вот теперь вы сказали, что она, может быть, художница, и я подумала, точно!

– Когда они приходили, в квартире было тихо?

– В смысле?

– Они не ругались, не кричали?

– Нет-нет, что вы! Трудно себе вообще представить, чтобы Саша на кого-то кричал! Он был тихий человек, мирный. Не то что мой муж. Вот мой муж постоянно на меня кричит... На меня, на детей! Нервный очень. Что вы хотите – каменщик! У него работа тяжелая, нервная. Но я на него не обижаюсь. Он все равно хороший... А вот Саша был не такой. Я еще думала, повезет же какой-нибудь девушке, которая выйдет за него замуж.

– Когда вы последний раз видели эту девушку?

– Несколько дней тому назад... Может, неделю. Не помню.

– Понимаете, нам сейчас все важно знать – с кем Сыров встречался, какие были у него знакомые... Пока что нам о нем не известно вообще ничего. Поэтому у меня к вам, Татьяна, просьба. Вот моя визитка. Если вдруг вы увидите ту девушку, постарайтесь ее остановить, поговорить с ней, выяснить, как ее зовут. Спросите, не художница ли она... Если она не знает, что Саша погиб, сообщите ей об этом осторожно и посмотрите на ее реакцию. Думаю, вы поймете, кем ей приходился Саша – простым ли знакомым или возлюбленным...

– Хорошо-хорошо, я все поняла! Если увижу – сделаю все так, как вы сказали.

– Спасибо за компот. Очень вкусный, главное, холодный!

– А может, рыбки? Это зеркальный карп... У меня много!

– Нет-нет, спасибо большое.

И Левин, мысленно съев всю рыбу из сковородки, покинул гостеприимный дом.

7

Денис вышел из машины на Цветном бульваре, как раз напротив булочной, от которой исходил запах свежесмолотого кофе. Этот аромат напомнил ему Ниццу, завтраки на открытых террасах ресторанов, улыбку Юли... Нет, все-таки не зря он ее тогда встретил, и вообще, все, что происходит в жизни, – не случайность. Вот только бы разобраться теперь, зачем судьба подкинула ему эту загадку со странной девушкой, которая оказалась похожа и на его подружку с Ибицы, и на уборщицу Трепову?!

Он сказал водителю, чтобы тот подождал его в машине. Он не хотел, чтобы кто-то еще, помимо его секретарши, знал, зачем он приехал сюда.

* * *

Снаружи эти старые дома выглядели довольно прилично, внутри же, со двора, он знал это еще со школьных времен, когда навещал здесь свою старую учительницу, они представляли собой темную, дурно пахнущую изнанку городской архитектуры – мрачноватые дворiki, образованные грязно-желтыми или оранжевыми стенами домов, мусорные баки с жирными крысами, бомжи на лавках...

Он довольно быстро нашел нужный ему дом, вошел в прохладный, гулкий подъезд, спугнув маленького рыжего котенка на лестнице, поднялся на третий этаж и остановился перед высокой массивной дверью, обитой выкрашенным коричневой краской дерматином. Конечно, вот они, так и не ставшие еще антикварными таблички-кнопочки с едва просвечивающими через мутный пластик буквами-фамилиями жильцов: «Поляковы», «Б. Штейман», «Иголина В.» и т.д. Коммунальная квартира, замечательно! Это здесь проживает пропитанная солнцем Ибицы или ароматом кофе ресторана «Негреско» Габриэль-Пилар-Филомена-Трепова? Вскруживший ему голову призрак, настоящая Фата Моргана!

Он нажал на первую попавшуюся кнопку, даже не взглянув на фамилию. Раздался довольно громкий и какой-то тревожный звонок. Потом наступила тишина. Он позвонил еще раз. Послышались какие-то голоса, шаги, дверь открылась, и он увидел невысокого, в майке, вспотевшего мужчину лет шестидесяти. Розовую лысину его прикрывали желтоватые, явно крашенные волосы. На курносом носу, являющемся центром его недовольного лица, держались маленькие очки в черной тонкой оправе. Тонкие малиновые губы блестели от жира. Его явно отвлекли от трапезы.

– Здравствуйте. Здесь живет Надежда Трепова?

– Да, здесь. Проходите, – и он довольно вежливо, слегка склоняясь своим маленьким упитанным телом, пропустил Дениса в просторную захлавленную переднюю. – Третья дверь направо. Думаю, что она ждет вас. Вы ведь из издательства?

Только теперь Денис понял, что в квартире пахнет жареной курицей с чесноком.

– Вы извините за беспокойство, – проговорил он и решительно двинулся вдоль коридора к указанной двери. Остановился, постучал.

– Входите! – услышал он женский голос и взялся за ручку двери. Открыл.

Большая комната была залита золотым полуденным солнцем. Старый продавленный диван, древнее, покрытое малиновым плюшем кресло, большой круглый стол, заваленный бумагой, рисунками, коробками с красками, мелками, баночками с водой и кистями... Запах мыла, духов и скипидара. Так пахнет в мастерской художника, куда заглянула молоденькая, пахнущая как цветок девушка...

Возле распахнутого окна с развевающимися прозрачными занавесками на венском стуле сидела девушка и красила ногти на ногах. Это была Габриэль собственной персоной – за плечами не хватало разве что цветной картинки с видами Ибицы.

Судя по всему, она только что приняла душ или ванну. Лицо ее сияло чистотой, маленький нос блестел, солнце играло на длинных ресницах. На кончиках мокрых тяжелых волос бриллиантами сверкали капли воды... Потрясающей красоты девушка.

На ней была голубая мужская рубаша, слегка прикрывающая бедра и позволяющая любоваться стройными длинными (не загорелыми!) ногами. Прекрасная Чэро!

Она повернула голову в сторону гостя, и брови ее взлетели вверх в удивлении: кто это? Она хлопала длинными ресницами и качала головой, силясь, вероятно, вспомнить, кто бы это мог ее навестить. Наконец, пожав в бессилье плечами, спросила:

– Вы кто?

– А вы меня не узнаете?

И тут она, сообразив, что раздета, вскочила и метнулась за деревянную резную ширму, прошуршала там несколько секунд и вернулась в широких домашних штанах.

– Садитесь, раз пришли, – она снова пожала плечами, мол, что ж с тобой, с таким непрошеным гостем, поделаешь, и подвинула Денису стул.

– Вы из издательства? – на всякий случай спросила она, хотя выражение ее лица указывало на то, что она и сама не верит в это предположение.

– Да нет же... Мы встречались с вами несколько дней тому назад совершенно в другой стране...

– Чего-чего? – Она распахнула свои глаза еще больше. – В другой стране?

И расхохоталась. Схватила за живот, согнулась пополам.

– Ух, давно так не смеялась... Вы что?! Да я в жизни нигде не была! Ну и сказали! Я же чувствую, что вы меня с кем-то спутали... Нет-нет, мы с вами нигде прежде не сталкивались, хотя... Хотя ваше лицо кажется мне знакомым...

Она не злилась, напротив, ее, похоже, забавляла эта ситуация.

– Но, постойте, если вы говорите, что видели меня в другой стране... Кстати, где именно?

– Во Франции, – мрачным голосом ответил Денис, почему-то именно это и предполагавший, – что девушка будет отрешиваться и от Ибицы, и от Ниццы. – В Ницце. А еще раньше – на Ибице.

– Где? На Ибице? Постойте-ка, что-то такое вспоминаю... Кажется, в Москве есть такое заведение, ресторан... Может, я там и была, да только уже не помню...

– Нет-нет, я имею в виду остров в Средиземном море... Это курорт такой со знаменитыми танцполами...

Он пристально вглядывался в ее лицо, и чем дольше он на нее смотрел, чем больше и больше убеждался в том, что там, в Ницце, он видел именно ее. Ведь она же со своим спутником сидела совсем близко от него, а потому он мог разглядеть даже форму ушной раковины Пилар-Соледат! Сейчас она по волшебству взмахнет рукой, и запястья ее обовьют золотые массивные браслеты, в ушах засверкают драгоценным блеском бриллианты, тело прямо на глазах Дениса покроется нежно-золотистым загаром, и белоснежная улыбка осветит лицо молоденькой и капризной содержанки...

Стоп. Улыбка действительно чудесная, и зубы тоже. Она или нет?

– Послушайте, что вам от меня нужно? Если вы не из издательства, то кто вы и зачем вдруг вздумали разыгрывать меня? С тех пор как сгорела моя мастерская, а вместе с ней все мои работы и сбережения, я сто лет не была ни в «Ибице», ни где бы то ни было... Это прежде я могла себе позволить расслабиться в «Дягилеве», когда он еще существовал... Потом мы с друзьями бывали с «Рая», «Мосте», но теперь, когда со мной все это случилось, все как-то не очень-то хотят со мной общаться... Но это вам неинтересно, я думаю.

– Вы поэтому моете полы в моем кабинете? – тихо спросил он, не сводя с нее взгляда. Щеки ее вспыхнули.

– Господи, ну надо же! – Она прикрыла рот рукой, словно сказала что-то нехорошее. – Простите меня... Как же я это вас сразу не узнала? Вы ведь господин Дунаев, наш шеф, директор, бог!.. А я все это время ломаю голову, где я сама могла прежде видеть вас. Ну конечно! Мы столкнулись, кажется, один раз, когда я выходила из вашего кабинета, где работала... Уронила еще сумку. Так стыдно было. Чувствовала себя ну прямо как воровка! Только я не поняла, зачем вы придумали про эту Ибицу? Вернее, Ниццу? Вы же прекрасно знаете, что я не могу позволить себе такие поездки...

– Вы лжете мне, Надя.

– Но почему?

– Да потому, что я точно знаю, что гражданка Трепова Надежда Васильевна третьего июня этого года вылетела рейсом Москва – Ницца... Вы прилетели в Ниццу в тот же день, что и я, и поселились в отеле «Негреско», самом дорогом отеле... У меня даже снимки ваши есть... Вы были не одна, с вами был один человек, который вам очень неприятен...

– Денис Евгеньевич, что вы такое говорите? Вы вообще в своем уме? Не была я ни в какой Ницце! И парня у меня такого нет... Тем более который мне неприятен! Да у меня вообще сейчас никакого парня нет!

– Вы и на работе не появлялись, я это точно знаю, проверял. Вместо вас на этаже убиралась ваша подружка или коллега – Людмила Валеева. Послушайте, это ваше, конечно, дело, где проводить отпуск и с кем, в какой стране отдыхать и в какой гостинице останавливаться... Но у меня есть к вам вопросы...

Надежда смотрела на него, как смотрят на сумасшедших, – со страхом и любопытством.

– Вопросы? И что это за вопросы?

– Первое! Зачем вы скрываете от меня факт вашей поездки? И второе. Кто поручил вам следить за мной?

– Вы хотя бы слышите себя? – протянула она разочарованным голосом. – Денис Евгеньевич. Хотя давайте сначала так. Сейчас я сварю кофе, мы посидим, и вы расскажете все по порядку. Потому что все то, что вы рассказали мне сейчас, сильно смахивает на бред и вызывает во мне чувство обиды. Вот так.

Денису ничего не оставалось, как согласиться и дождаться, пока Надя сварит где-то там, в глубине большой, набитой, как ему казалось, невидимыми людьми квартиры, кофе. Ему даже страшно было себе представить, как выглядит кухня, в которой стоит несколько плит, столы, стулья, варится какое-то варево, что-то жарится, булькает...

Надя вернулась довольно быстро с маленьким подносом в руках, на котором стоял маленький кувшин с горячим кофе, чашки и сахар.

Пока ее не было, он с интересом разглядывал разложенные на столе наброски. Судя по всему, это были эскизы иллюстраций к детским сказкам. «Талантливо», – подумал он и в какой-то момент почувствовал себя не очень-то уютно в этой комнате, куда он явился для того, чтобы обвинить хозяйку, чтобы высказать ей свои подозрения...

– Вот, пожалуйста. Если хотите, я принесу вам молоко, – сказала Надя, лучезарно улыбаясь. – Итак. Давайте начнем с самого начала.

И Денис рассказал ей о том, что он каждый год, в начале июня, отправляется в Ниццу. Отдохнуть ото всех и вся. Что всегда ездит только один, что на этот раз даже невесту свою не взял, поскольку считает, что имеет право на личное пространство.

– Представьте, это личное пространство я отвоевал сам у себя, – заявил он с гордостью.

– Хорошо, – терпеливо заметила девушка. – Что дальше?

Он принялся рассказывать о том, где и при каких обстоятельствах он видел ее, Надю Трепову, в Ницце! В каких ресторанах, гостинице, на набережной. Вспомнил про цветочное мороженое, ресторан, где подавали теплый хлеб с оливковым маслом...

Надя сидела, слушала, отпивая маленькими глотками кофе, и чувствовалось, что она недоумевает, завидует, грустит...

– Вы так вкусно все это рассказываете, Денис Евгеньевич, – вздохнула она. – И вы говорите, что это была я? С каким-то мужчиной?

– На вас был килограмм золота, бриллианты... Вы выглядели весьма состоятельной барышней...

– Может, поэтому вы на «меня» и запали, из-за золота? – улыбнулась она. – А что вы скажете, если я расскажу вам, как все было на самом деле?

– Расскажите... – пробормотал он растерянно.

– Я с трудом нашла работу иллюстратора в одном издательстве и все эти дни, что вы загорали в Ницце и ели цветочное мороженое, глаза по сторонам на разодетых в пух и прах барышень, работала как вол. Когда соседи не буйствовали, работала дома, а когда невозможно было находиться с ними в одной квартире (здесь живут две пьющих семьи), брала с собой работу и располагалась прямо на улице, на траве... К примеру, два дня я провела в Ботаническом саду. Взяла плед, бумагу, краски... И работала, и спала, и обедала бутербродами с колбасой. Понимаете, я должна была сделать эти рисунки к определенной дате. Я и Люду поэтому попросила поработать за меня у вас в офисе, чтобы вовремя сдать свою работу...

– И как? Сдали?

– Да. Если не верите, можете проверить.

Она схватила какой-то листок со стола и быстро начеркала на нем номер телефона.

– Вот, это заведующая отделом детской литературы в издательстве «Пиноккио». Ее зовут Ирина Борисовна.

Денис хотел что-то сказать, но Трепова не позволила ему этого сделать, перебив:

– ...И вот вы приезжаете в Москву, наотдыхавшись, набравшись сил, перебирая в памяти все картинки вашего приятного времяпрепровождения, и вдруг в какой-то момент понимаете, что девушка, которая зацепила вас в Ницце, удивительным образом похожа на уборщицу из вашего офиса... Вы узнаете ее адрес, приезжаете и начинаете мне тут парить мозги. Придумываете, что вы якобы обладаете сведениями о том, что ваша уборщица третьего июня вылетела из Москвы в Ниццу... Послушайте, что вам от меня нужно? Вы понимаете, что я никуда не вылетала?

– А может, у вас есть сестра-близнец? – вдруг осенило Дениса. – Она взяла ваш паспорт и полетела в Ниццу.

– Да, специально, чтобы следить за вами, да? А это ничего, что мне не известно ни о какой сестре-близняшке? Я одна у мамы... И что теперь? Или, может, вы хотели таким вот странным образом познакомиться со мной? После всех ваших рафинированных девиц, светских львиц вам захотелось попробовать завести интрижку с бедной художницей? Вернее, уборщицей?

– Но это были вы, точно вы, Надя. И мне очень жаль, что вы не желаете говорить мне правду. Спасибо за кофе... Думаю, что вам просто необходимо все хорошенько обдумать и принять правильное решение.

– Какое еще решение? – вдруг взвилась она. – Может, хватит! Как вам не стыдно! Говорю же вам – я все эти дни была в Москве, я работала!!! Пойдите в издательство, поговорите с редактором... Я не знаю, что вам еще сказать... Еще я недавно устроилась в одну торговую компанию, «Синий лев» называется... Буду подрабатывать на рекламе... И там можете тоже спросить, работаю я или нет. Они тоже заказали мне серию рисунков на тему купальников... Послушайте, чертовщина какая-то получается... Ладно, вы говорите, что девушка с моим именем и фамилией вылетела третьего июня в Ниццу, так? А вернулась-то она когда?

Денис судорожно достал из кармана смятый листок и пробежал по нему глазами. До этого момента эта информация его почему-то не интересовала.

– Вот, пожалуйста... седьмого июня две тысячи одиннадцатого года гражданка Трепова Надежда Васильевна, паспорт номер...

– Ну-ка, ну-ка, – оживилась Надя, – покажите мне ее паспортные данные. Может, все дело в том, что понравившаяся вам девушка была просто моей однофамилицей!

Она выхватила из рук Дениса листок, внимательно просмотрела номер паспорта. Нахмурилась.

– Ну, что скажете? Ваши данные? Хотя можете не отвечать, я и так знаю, что ваши... У меня же есть все ваши координаты, мне в отделе кадров дали.

– Да ерунда все это... И плюньте в лицо тому, кто вам доставил эту информацию, вот что я вам скажу. А теперь – уходите. Все, я устала. Мне надоело вам доказывать, что я не верблюд. Я устала.

– Паспорт покажите, а? И вот тогда уже все точно встанет на свои места...

– Если вам угодно, то пожалуйста... Мне не трудно.

Надежда поднялась, подошла к большой кожаной потертой сумке. Открыла ее и достала оттуда паспорт. Не глядя, протянула Денису.

Денис открыл паспорт, положил на стол, рядом – свой листок с записями. Волосы у него на голове зашевелились: номер паспорта полностью совпадал с тем, что сообщила ему Валентина Викторовна, начальник отдела кадров. Но самое удивительное заключалось в том, что паспорт был проштампован: шенгенская виза сроком на три месяца, и штампы пересечения границ в аэропортах России и Франции...

– Мама дорогая.... – услышал он над самым ухом. – Это как же?..

8

– Что-то ты сегодня какой-то задумчивый, – ласково, поглаживая по плечу Дениса, прошептала не менее задумчивая и находящаяся в легком шоке Лариса. Главное для нее было не подавать виду, что она чем-то озабочена. Лена, после того как Лариса пересказала ей разговор с неизвестной женщиной, пригрозившей, что если Лара не бросит Дениса, то у ее отца станет больше проблем, посоветовала ей вести себя со своим женихом как можно ласковее, то есть сделать вид, что она на самом деле очень соскучилась.

– У тебя все хорошо? Как отдохнул?

Конечно, ей было неприятно, что лежащий с ней рядом мужчина вместо того, чтобы наброситься на нее, ведь столько времени не виделись, молчит и смотрит в потолок. Но и демонстрировать свое разочарование и обиду тоже не имела права, во всяком случае, пока. Это противоречило ее плану. Вот выйдет за него замуж, тогда и получит право вести себя естественно.

* * *

После ужина в ресторане, который сразу не задался, поскольку Денис казался рассеянным и было видно, что мысли его заняты чем-то важным, серьезным, они приехали к нему домой, по очереди приняли душ и легли в постель. Лара положила голову ему на плечо и замерла в ожидании страстных объятий. Но время шло. Денис не спал, он лежал с открытыми глазами, и чувствовалось, что он где-то далеко. Может, оставил кого в Ницце? Познакомился с женщиной, влюбился и теперь не знал, как рассказать об этом Ларисе? Но тогда мог бы сразу все объяснить, еще там, в ресторане. Зачем было везти к себе, ложиться вместе в кровать? Может, он действовал так по инерции? Или сначала решил проверить свои чувства в объятиях невесты?

Светлая и даже какая-то веселая мысль промелькнула, раскрасив скучный и тяжелый в эмоциональном плане вечер: какое счастье, что она не любит его! Как было бы невыносимо и горько, если бы он вел себя вот так же по отношению к ней, влюбленной в него безумно, отчаянно! Она бы страдала и, скорее всего, не могла бы так хорошо себя контролировать, как сейчас. Она бы не выдержала, разрыдалась у него на плече, заскулила бы, что он ее не любит, что она это чувствует, что больше так не может, что подозревает, что у него другая, она сгорала бы от ревности и в бессилье попыталась бы даже устроить настоящий скандал! Сказано было бы много лишних и страшных слов, после которых она потеряла бы его уже навсегда. А так... Она покорно лежала на его плече и старалась не шевелиться, чтобы не потревожить его мысли.

– Как ты думаешь, – вдруг сказал он, не поворачивая головы, – если у человека есть, предположим, брат или сестра-близнец, они должны знать о существовании друг друга?

Уф... Ее сразу же отпустило. Значит, все его мысли занимала не какая-то там красотка из Ниццы, нет, он думал о чем-то другом, и теперь уже даже и неважно о чем!

Она решила подключиться к его размышлениям, точнее, проникнуть в них, разговорить его.

– Близнецы... Если ребенка не украли в роддоме, если мать не продала его и все в таком духе, то есть если малыши воспитывались вместе, в одной семье, то, безусловно, они знают о существовании друг друга. Думаю, ты и без меня это отлично понимаешь. Если же факт рождения второго ребенка был скрыт по каким-то причинам или если малышей разделили в младенческом возрасте и они оказались в разных семьях, то, пожалуй, они друг о друге ничего не знают, если, конечно, судьба не сведет их вместе... Столько сериалов сняли на эту тему... Близнецы – благодатная почва для разных историй.

Ее так и подмывало спросить, почему его заинтересовала тема близнецов, но она и здесь сдержалась, решив, что если он сам захочет, то расскажет. Сейчас ей важно было не показаться, не дай бог, навязчивой.

Она понимала, что ведет себя неестественно. Но если вести себя естественно, то разрыв неминуем. Уж себя-то она знала...

– Да, ты права, историй может быть много, – вздохнул Денис. – И все они похожи друг на друга, как эти же близнецы...

– То есть?

– К примеру, у тебя есть сестра... Вернее, у меня есть брат-близнец...

– Денис, это была бы настоящая катастрофа в случае, если бы вы не были знакомы! – воскликнула она, поддавшись эмоциям и представляя себе последствия этой ситуации.

– В смысле?

– А то, что вместо тебя в Ниццу, к примеру, легко бы проскочил в самолет твой братец... Украл бы твой паспорт, пусть даже взял на время... Приехал бы, – расфантазировалась она, – в аэропорт раньше тебя, зарегистрировался... Ну, конечно, при наличии билета и твоего паспорта.

– Но тогда он должен был быть вхож в мой дом.

– Ему достаточно проникнуть в твой кабинет, когда ты, скажем, отлучишься оттуда ненадолго... Но это я так, гипотетически. Конечно, в твою квартиру простой смертный вот так запросто не проникнет. Но ситуации бывают различные. В сущности, он мог бы просто-напросто прийти к тебе в офис, когда тебя там нет, причем он сам мог так устроить, чтобы ты в это время был далеко от работы, ну и все – остальное дело техники! Он приходит к тебе, секретарша думает, что это ты, а потому ничего не подозревает. В это время твой брат входит к тебе в кабинет и, если твои документы, предположим, в столе, и билет тоже... Словом, все это довольно просто проделать, если твой брат – человек с фантазией, решительный, обладает авантюрного склада умом. Вот и вся история!

* * *

И вдруг она испугалась того, что сказала. А что, если все так и произошло и кто-то, похожий на Дениса, украл у него деньги или документы... А она тут разошлась, расфантазировалась... Причинила ему боль.

– Денис, надеюсь, с тобой ничего подобного не произошло? – сочувственным голосом спросила она, прижимаясь к нему.

– Нет-нет, Лара, все в порядке... – И тут, очнувшись, словно только что заметил ее, тряхнул головой, повернулся к ней, сгреб ее в охапку и поцеловал. – Ты извини меня... Что-то я задумался не по делу... И ты лежишь себе, тихая, как мышка, молчишь... Лариса, я тебя не узнаю! Ты соскучилась или нет?

Он улыбнулся, еще раз поцеловал ее, и руки его заскользили по ее обнаженному телу. Он еще плотнее прижался к ней.

– Ты извини меня, просто сегодня был такой тяжелый день...

Она ждала, что и он тоже скажет ей, что соскучился, что ему было грустно и одиноко там, в Ницце, что он сожалеет, что отправился туда один. Но ничего подобного не совершилось.

* * *

Позже, лежа в объятиях Дениса, Лариса спрашивала себя, все ли мужчины после удовлетворения страсти становятся безразличными к своим женщинам, и сама же отвечала на этот вопрос, учитывая опыт с другими своими любовниками, – да, практически все. Значит ли это,

что то, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, – не любовь, а элементарный, древний как мир акт и что к нему нужно относиться так же легко, не заморачиваясь, как то делает большинство мужчин. Или все же существуют другие, более нежные и настоящие отношения, о каких Лариса знала лишь по рассказам подруг да по книжкам и фильмам?

Денис уже начал похрапывать слегка, отвернувшись от нее, когда она, не выдержав, вдруг сказала ему в спину:

– Мне баба одна позвонила, между прочим.

Ноздри у нее раздувались от злости. Захотелось одеться в пижаму, укутаться в простыню.

– Что? – Храп прекратился. – Ты что-то сказала или мне приснилось, Ларочка?

– Говорю, что мне сегодня позвонила одна баба, девица, женщина, я не знаю, голос был молодой... И сказала мне, что я должна в самое ближайшее время с тобой расстаться. Иначе у папы будут проблемы, слышишь? Как ты думаешь, кто бы это мог быть?

Но в ответ она услышала лишь сладкое посапывание, переходящее в крепкий мужской храп.

Разозлившись, она выскользнула из постели, набросила на себя халат Дениса (собственных вещей здесь пока еще не было, не считая каких-то мелочей) и вышла из спальни, заперлась на кухне, достала из буфета бутылку коньяка и плеснула себе в рюмку. Проглотила. Подошла к окну и собиралась уже позвонить Лене, как телефон, словно почувствовав это, сам ожил, замурлыкал в руке. И снова – номер не определился.

– Лариса? Ты что, не поняла, что я тебе сказала?

– А вы... ты кто? Может, мне в полицию обратиться? Там-то твой номер быстро определят... Сука! Будешь мне еще угрожать!

– А ты позвони своему папочке и спроси, куда исчезли с его счетов денежки. Приблизительно месяц тому назад... Влип он по полной программе, вот что я тебе скажу... Деньги ему, конечно, никто не вернет, но без них ему будет трудновато расплатиться сама знаешь с кем...

– Чего ты от меня хочешь?

– Дениса, – таков был ответ.

После чего телефон отключили.

Может, подумала она, разбудить Дениса и все ему рассказать?! У него серьезная строительная компания, с мощной системой безопасности. Если они постараются, то смогут определить, откуда был этот звонок. И вычислят эту суку.

Лариса налила себе еще коньяка, достала лимон, порезала его, посыпала сахаром. Щеки ее пылали. Что делать? Рассказать Денису или нет?

Она позвонила Елене. Рассказала о том, как прошел вечер, о своих ощущениях, страхах, разочарованиях, о звонке неизвестной женщины. Лена, которую она разбудила, терпеливо выслушала ее.

– Главное – не паникуй, – сказала она сонным голосом. – Пока что ты действуешь правильно. Не лезь в бутылку, не провоцируй скандал, не высказывай ему свои упреки, что он холоден с тобой, что, вместо того чтобы быть с тобой ласковым, он думает о чем-то своем. Мы все равно мужиков никогда не поймем. Они – инопланетяне, понимаешь? И те принципы мышления и мировосприятия, которые заложены в нас, в женщинах, сильно отличаются от мужских понятий. Они живут в своем мире, вот так-то вот. Но у тебя цель – выйти за него замуж. Вот и старайся ему угодить во всем, будь паинькой, кошечкой...

– Лена! Но как же?... Ты думаешь, он такой идиот и ничего не поймет?

– А ты никогда не задавала себя вопрос, зачем вообще он с тобой встречается, говорит о замужестве... Во всяком случае, говорил?

– Ну... Думаю, что я ему нравлюсь. У меня и внешность подходящая, и возраст, я из хорошей семьи... Словом, я каким-то образом подхожу ему в жены, понимаешь? По многим пунктам, если точнее сказать.

– Вот и я тоже так думаю. Поэтому ты должна использовать все свои пункты, достоинства для того, чтобы окрутить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.